

АЛЕКСЕЙ КАЧАЛОВ



АМПУТАЦИЯ ДУШИ

Алексей Качалов
Ампутация души

«Издательские решения»

Качалов А.

Ампутация души / А. Качалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836613-0

Ранняя редакция романа входила в лонг-лист первой литпремии «Дебют», планировалась к изданию в «Вагриусе», а позднее, более «брутальная» версия — в «Ad Marginem». Однако, в силу ряда причин книга так и оказалась неизданной целиком, а лишь фрагментами. Нужна ли душа современному человеку? Есть ли в современности место Богу или же сатане? Смириться ли с жестоким миром или оказать сопротивление? Кому нынче служат: Богу или Мамоне? Эти вопросы в центре философско-мистического детектива.

ISBN 978-5-44-836613-0

© Качалов А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ПРОЛОГ	7
Часть первая. КРУШЕНИЕ	10
Глава I. ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ПРОШЛОГО	10
Глава II. УДАЧНОЕ НАЧАЛО	14
Глава III. НЕ ВСЕ ТАК ГЛАДКО	18
Глава IV. РОКОВОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО	23
Глава V. СКЛОНЕН К АГРЕССИИ	26
Глава VI. ДЫРА	30
Глава VII. ИСКУСИТЕЛЬ	34
Глава VIII. УЛИКИ	38
Глава IX. НОЧНОЕ ОТКРОВЕНИЕ	43
Часть вторая. МЫТАРСТВА	47
Глава I. ТРИ ИНСТАНЦИИ	47
Глава II. ТРИ ИНСТАНЦИИ (продолжение)	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ампутация души

Алексей Качалов

Знаю дела твои: ни холоден и ни горяч;

О, если б ты был холоден или горяч!

Но поелику ты тепл, то изблюю тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: я богат и ни в чем не имею нужды; А не знаешь, что ты жалок, и беден, и нищ, и слеп и наг.

Откровение Иоанна Богослова.

Дьявол с Богом борются, и поле боя – сердца людей.

Ф. М. Достоевский.

Мы с душою нонче врозь: пережиток, вопчем.

Оторви ее да брось – ножками потопчем.

А. Башлачев

Иллюстратор Михаил Златковский

© Алексей Качалов, 2018

© Михаил Златковский, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-6613-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не все события и персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными событиями и именами неслучайно.

От автора

Примерно через месяц после того, как я опубликовал черновик романа в интернете, мне пришло письмо следующего содержания:

«Каким-то невероятным образом Вы угадали суть. Но все гораздо сложнее, чем в Вашем романе. Вряд ли кто-то воспримет всерьез все, что Вы говорите о целенаправленной ампутации души. А потому нам эта книга не опасна. Живите себе спокойно, но только не пытайтесь узнать, как обстоят дела на самом деле.

Аббат».

Хотелось бы верить, что это письмо – всего лишь шутка, но...

ПРОЛОГ

Странный какой-то выдался вечер. Луна, этот главный атрибут ночи, уже явственно проступила на сумрачном небе, а солнце, хоть и скрылось полностью за горизонтом, но запад продолжал багроветь нехорошим, кровавым светом.

При подобном освещении все предметы вокруг приобрели некую зловещую окраску. Даже церковь, что еще несколько минут назад маячила в глазах ярко белым пятном, – и та вдруг стала багроветь.

Но вот сумерки сменились темнотой, которую нарушал лишь мертвенный свет полной луны.

Санька, по кличке «Мокрый», которая ему очень не нравилась, так как с некоторых пор он не считал себя обыкновенным мокрушником, загнал свою довольно потрепанную «Ауди» в полуразрушенный ангар, где раньше стояла колхозная техника, а теперь орудовали местные мужички, постепенно разбирая сооружение на кирпичи.

Заглушив мотор и выключив свет, Мокрый сидел в темном салоне машины и наблюдал за поселком, погрузившимся в ночь.

«Н-да, рановато у нас в сельской местности спать ложатся, – думал он, заметив лишь пять или шесть светящихся окон. – Ну и молодцы, робяты, дрыхните себе спокойно воронками кверху. Нам оно только на руку».

Мокрый вылез из салона, открыл багажник и вынул оттуда канистру с бензином. Осмотревшись по сторонам и не обнаружив ничего подозрительного, он направился к малюсенькой бревенчатой избушке, что стояла прямо напротив церкви.

«Не дай бог скрипучая», – думал Мокрый, осторожно открывая калитку, но петли оказались смазанными, и он бесшумно вошел в огород. Взойдя на невысокое крыльцо, он убедился, что замка на двери нет. «Значится клиент на месте», – решил Мокрый и отвернул пробку канистры. Обильно полив бензином дверь, он спустился с крыльца, и так, плеская из канистры, обошел всю избушку кругом.

«Наконец-то, – все это время думал Мокрый, – наконец-то, Учитель поручил мне помочь совершить Переход настоящему человеку, а то все фирмачи, воротилы и прочая сволочь. А этот поп, говорят, чуть ли не святой... Ну да, вообще-то, в такой халупе всю жизнь прожить только святой и может».

Мокрый еще раз окинул избушку взглядом. Затем извлек из кармана специально заготовленную по этому поводу зипповскую зажигалку. Наигранно чиркнув колесиком о штанину, он держал ее некоторое время зажженной, бормоча при этом под нос: «Да простятся тебе все грехи, да пребудет душа твоя не небесах! Сверши же свой Переход! Аминь!»

Затем Мокрый резко кинул зажигалку к стене избушки. Бензин вспыхнул, и уже через несколько минут весь домик был объят пламенем. Однако Мокрый не спешил к машине – была у него страсть полюбоваться творением рук своих. Теперь, схоронившись за выступом церковного крыльца, он наблюдал, как из соседних домов повалил народ. Вскоре чуть ли не половина поселка собралась поглазеть на пожар.

«Черт! Откуда только повылезали?! – удивился собравшейся толпе Мокрый. – Кранты мне – посекут еще». Однако все были поглощены зрелищем пожара. Потушить домик никто не пытался – и так было ясно, что его уже не спасти. Лишь несколько парней, кто как мог, старались предотвратить дальнейшее распространение пожара.

– Митька, мать твою, да куда ж ты льешь?! Не сюда ж надо-то! – орал на парней какой-то мужик.

– Да не так же надо! Делаете все через задницу! – вторил ему другой.

– Господе, да шож это такое деется! – крестясь, причитали вездесущие бабки. – Сгорел батюшка-то, совсем сгорел!

– Говорила ж ведь я – сидеть с ним надо. Ведь плох он был, совсем плох. Так и знала – заронит из печки, сгорит.

– Че ж не сидела-то? Сидела бы.

– А ведь Авдотья сказывала давеча, мол, батюшка говорил как-то, что ни живым, ни мертвым в церковь-то не воротится. Так оно и есть. Сгорел. И отпевать, поди, нечего будет.

– Господи! И куда ж это мир катится?

– К черту и катится!

– Тьфу ты, прости Господи.

– Да где ж пожарники-то? А вызывали?

– Да едут щас!

И тут до Мокрого донесся едва различимый скрип. Выглянув из-за крыльца, он заметил, что из ворот церкви, стараясь как можно меньше шуметь, вышла группа каких-то странных людей. В отблесках пламени было заметно, что на всех наскоро накинутая верхняя одежда, из-под которой виднелись какие-то странные балахоны.

– ... знамение? – услышал Мокрый обрывок вопроса, который задавал один из спутников другому, самому высокому.

– Н-да, – нехотя согласился тот. Казалось, что он хочет добавить: думай так, но я-то, пожалуй, догадываюсь об истинной причине пожара.

В этот момент огромный огненный столб вырвался и на мгновение завис над объатым пламенем домиком.

– Это... Он? – с любопытством, и в то же время с испугом спросил спутник длинного, заморожено глядя на этот столб.

– Не-ет, – как бы догадываясь о чем-то, протянул длинный и бегло перекрестился. Причем не как обычно, а левой рукой, снизу вверх и слева направо. Его спутник, заметив это, повторил те же движения. Затем эти странные люди поспешили смешаться с толпой.

Пожар тем временем бушевал всюду. Налетевший порыв ветра подхватил огонь, и тот перекинулся на забор огорода, затем лизнул деревянную ограду, которая вела к церковному крыльцу, и словно живой пробежался по ней. В этот же момент, очевидно под воздействием восходящих потоков теплого воздуха, на колокольне зазвонил колокол. Такое и раньше случалось в особо ветреную погоду, но сейчас, когда погода стояла довольно тихая, звучание колокола казалось чем-то сверхъестественным.

– Да кто же это так бухает-то? – возмущались в толпе. – Пряма набат какой. Так по башке и бьет.

– Чего трезвонить-то – чай, телефон теперь есть.

– Да это Скипидарыч, наверное, опять нажрался. Вот сдуру и звонит, – предположили в толпе.

Все разом глянули на колокольню, которую в свете пожара было видно как днем, но там никого не было.

Отвлеченные этим загадочным звоном, только сейчас люди бросились тушить загоревшуюся ограду. Огонь уже успел лизнуть каменную стену и свод церковного крыльца.

– Да где ж отец Пафнутий-то? – кричали из толпы.

– Где-где – в городе. В кабаке, чай поди.

– На ворота лейте, на ворота! – доносились советы. – А то щас и церковь займется!

Но этого не понадобилось, так как ограда была уже затушена. Раздался рев сирены. Толпа расступилась, пропуская пожарную машину.

На следующее утро по поселку поползли невероятные слухи. Впрочем, на то они и слухи, чтобы быть невероятными.

«Вознесся батюшка-то, ей богу, вознесся. Видали столп-от? – Вот в ем и вознесся. Теперча непременно светопреставление будет», – так объясняли падкие до сенсаций бабки тот факт, что среди пепелища не было найдено никаких останков священника, домик которого сгорел прошлой ночью. Правда, вскоре было обнаружено несколько хрупких костей, но черепа так и не нашли. И еще одно известие обсуждалось в поселке.

С незапамятных времен на внутренней стене церковного крыльца красовался железный щит. В верхней его части было намалевано изображение по грудь то ли самого Бога, то ли какого-то ангела – разобрать не представлялось возможности, так как краска давно потрескалась и частью облетела. А под этим изображением были выписаны большими буквами десять библейских заповедей, чтобы каждый, прежде чем войти в храм, мог прочесть эти заповеди и проверить себя на предмет их соблюдения.

Так вот, язык пожара, которому удалось по ограде добраться до церковного крыльца, аккуратно слизал часть надписи.

«... СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА», «... УБИЙ», «... КРАДИ», «... ПРЕЛЮБОДЕЙ-СТВУЙ», – значилось теперь на щите...

Часть первая. КРУШЕНИЕ

Глава I. ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ПРОШЛОГО

Массивная дверь тюремного КПП со скрежетом, словно недовольно ворча, захлопнулась за спиной условно досрочно освобожденного. Николай Деснин – было его имя.

Семь лет назад своей добровольной явкой, чистосердечным признанием и содействием следствию он настолько сумел растрогать суровое сердце прокурора, что тот скостил ему срок на три года. Тем более что убил Деснин не абы кого, а известного наркодилера, который попортил много крови правоохранительным органам, но к которому они никак не могли подступиться. Тюремные власти также были довольны просто-таки образцовым заключенным, в свободное время читавшим Евангелие и заявлявшим, что не просто сидит, а исполняет епитимью. Так и получилось, что вместо положенных десяти за преднамеренное убийство Деснин отсидел всего семь.

И вот теперь все кончилось. Бывший зэк набрал полной грудью вольный воздух, усмехнулся, сам не зная чему, закинул через плечо котомку с нехитрой поклажей и направился в близлежащий поселок с довольно выразительным названием Воротилово, откуда, если повезет с автобусом, можно было добраться до Москвы.

На душе Деснина было легко и привольно, лишь одно омрачало хорошее настроение – перед самым выходом перебежала ему дорогу здоровенная черная кошка.

Солнце палило нещадно, и Деснин распахнул рубашку. Справа на груди его красовалась вытатуированная церковь с двумя куполами. Это обозначало, что за ним была уже вторая ходка.

«Воля, воля, мать твою! – думал Деснин, глядя по сторонам. – Иди куда хочешь, делай что хочешь. Э-эх!»

Раскидистая кудрявая береза величаво стояла посреди поля. Рядом не было других деревьев, и ничто не мешало ей свободно расти. «Воля!» – думал, глядя на нее, Деснин. Звонкий ручей, бегущий по руслу, проложенному им же самим черт знает сколько лет назад. «Воля!» – думал, глядя на ручей Деснин. Ветер, гонящий по синеве неба облака туда, куда ему вздумается. – «Тоже воля, – думал Деснин, – Воля, е-мое!!!»

И тут он поймал себя на мысли, что ровно восемь лет назад все это уже было. Восемь лет назад он также радовался вновь обретенной воле, но тогда... тогда, после первой своей ходки, он точно знал, что нормальная жизнь ему теперь заказана. Тогда он точно знал, что ничего ему теперь не остается, кроме как катиться все дальше и дальше, до следующей ходки, а потом до следующей. Тогда у него даже и в мыслях не было попытаться начать все заново. Это было тогда.

Но теперь... теперь все было иначе. Теперь он точно знал, что со старым покончено. Впереди была новая жизнь, и уж ее-то он проживет так, как надо. Как научил его один человек. Единственный человек, которому он поверил, человек, который внушил ему надежду, перевернул всю его жизнь, человек, который...

Деснин достал из-за пазухи небольшой крестик. С минуту подержал его на ладони, затем сжал кулак.

«Ну и куда теперь?» – при этой мысли все веселье, связанное с вновь обретенной волей, куда-то улетучилось. Что поделаешь – жизнь есть жизнь, и она хороша лишь тогда, когда думаешь о ней отвлеченно. Но стоит столкнуться с ней лицом к лицу, и она пообломает самого отъявленного оптимиста.

«Может, к Юльке рвануть? – думал Деснин, – Писала, что ждет. Врет, скорее всего, ну да ладно – больше ведь некуда. А может... Да нет. Надо отойти денька два, освоиться. А потом уж к нему».

Автобус, как это водится, в дороге поломался и на поезд Деснин уже не поспевал, но это его мало волновало, так как ему предоставлялась возможность побродить по Москве.

Перед самой отсидкой Деснину довелось жить некоторое время в столице. Уже тогда она начинала меняться – повсюду, словно грибы, появлялись палатки, новые магазинчики, стадионы по выходным превращались в огромные барахолки. Уже тогда наступали времена всеобщего торгашества, когда мерой всех вещей служит рубль. Однако с тех пор прошло семь лет, и за эти семь лет Москва изменилась до неузнаваемости. От блеска витрин рябило в глазах, количеству магазинов, разного рода лавочек, торговых точек, минирынков, казалось, не было предела. Плюс еще офисы, конторы, салоны, банки, зубные кабинеты, аптеки, юридические консультации, рекламные щиты, казино, обменные пункты и т.д., и т.п. Деснин словно попал в иной мир и, ошарашенный и угнетенный этой пестротой и блеском, этой суетой и толкотней, блуждал по переименованным улицам, покусывая мороженое, в надежде отыскать хотя бы одно знакомое место – переулок, здание, хотя бы какой знакомый кабак, но не за что было уцепиться взгляду – всюду была новь, всюду был блеск. А прямо по соседству с этим блеском – нищета. Еще на автовокзале Деснин обратил внимание на нескольких нищих, просящих милостыню. Нищие встречались и в переходах метро. Постепенно от количества безруких и безногих, беженцев и ограбленных разного рода мошенниками у Деснина, так же как и от обилия рекламы, начинало рябить в глазах. Он махнул на Ярославский вокзал, взял билет. Однако до отправления поезда времени оставалось еще предостаточно. Побродив по перрону, Деснин направился в привокзальный туалет.

– Минет хочешь? Десятка, – послышался из соседней кабинки голос, совсем еще детский.

– Чего? – машинально переспросил Деснин.

– Баксов, не рублей же, – рассудительно отвечал голос.

Когда Деснин заглянул в кабинку, взору его предстала девчонка лет двенадцати, присевшая на край унитаза с тетрисом в руках. Ее вульгарно нарисованное личико с огромными красными губами, подведенными бровями и ядовито-розовыми тенями на веках совсем не вязалось с недоразвитым женским тельцем. Взглянув на Деснина, малолетняя проститутка засунула палец в рот и лукаво подмигнула. Этого Деснин не выдержал. Он ухватил девчонку за руки и потащил из туалета.

– Ну ты, клешни убери! Не лапай – не купил! – верещала та и упиралась. – Я щас Ромика позову!

– Какой Ромик? Ты чего здесь делаешь? Где твоя мамка и вообще...

– Че сразу мамка? У нас не мамка, у нас папка. Вон он, – указывала девчонка на бритого парня с фиксой, который тусовался возле перрона.

– А он куда смотрит?

– А он за всем вокзалом смотрит. У него таких как я еще с десятков. А еще щипачи, кидалы и менты. Так что шел бы ты, дядя, лесом, а то щас позову, все сбегутся.

«Зови!» – уже было готово слететь с языка, но Деснин сдержал порыв. «Я смирился, смирился, смирился!» – прошипел он сквозь зубы и впечатал кулаком в стену, словно поставил точку. Малолетняя проститутка посмотрела на него как на сумасшедшего и выскочила из туалета.

В задумчивости Деснин не заметил, как вышел за пределы вокзала и вновь влился в толпу. Шум, гул. Бурная людская река подхватила его и понесла в своем потоке. И вроде бы люди были повсюду, но он их не чувствовал, не ощущал. Пустыня равнодушия. Хмурые, угрюмые лица без улыбок. Нет, новая Москва положительно не нравилась Деснину. Он чувствовал

себя здесь чужим. Но до поезда по-прежнему оставалось более двух часов, и их надо было как-то убить.

В конце концов, Деснин решил съездить на Красную площадь, в надежде, что хоть там все осталось по-прежнему.

На автобусе по старой привычке он проехал зайцем. Лишь сойдя на нужной остановке, заметил, что пассажиры выкидывают кто в урну, а кто просто на землю какие-то необычные, яркие проездные талончики. Он специально остановился, чтобы рассмотреть один из них. На талончике, втоптанном чьей-то ногой в грязь, было изображение храма. Прямо на крестах и куполах компостер оставил рваные раны.

– Вон он, храм-то, – послышался рядом голос прохожего, – ишь, какой отгрохали.

– Да такой и был, – возражал другой, – По старым чертежам делали.

– Да, а сколько денег втюхали. Лучше бы вон, нищету поубирали.

Деснин оторвал взгляд от талончика и посмотрел в ту сторону, куда смотрели эти двое. Громада нового храма ракетой вонзалась в небо и там, в вышине, сверкали на солнце золотом купола и кресты. Казалось бы, все в этом архитектурном сооружении было устремлено ввысь, но одно поразило Деснина: храм построили не на возвышенности, как это полагается, а напротив – в какой-то низине, от чего создавалось впечатление, будто храм вздымается к небу прямо из-под земли. К тому же купола закрывали солнце, и вся восточная часть храма была погружена во мрак. Спустившись по лестнице, которую он обнаружил неподалеку от остановки, Деснин решил поближе рассмотреть храм. Было время вечерни, и к церкви подтягивался народ. К моменту открытия собралась порядочная толпа. Деснин смотрел на пришедших и дивился – сколько людей вновь обрело веру после десятков лет запрета на нее. Кроме дремучих бабок были здесь и весьма цивилизованные с виду люди, даже молодежь и дети. Правда, вскоре благостность обстановки несколько разрушил следующий разговор.

– Во фигня, говорят, с бутербродами не пускают. А я шаурму купил, – пихал мужик в дурацкой шляпе и нелепых шлепанцах на босу ногу замасленный сверток спутнице. – Светлана, поддержи маленько. Я щас – загляну и обратно.

Светлана не слышала. Она увлеченно жевала Орбит и тараторила по мобильнику:

– Че? Не, Оксан, по магазинам еще не прошвырнулись. Тут все в какой-то новый храм рванули. Че? Да не, не молиться, че я дура что ли? Ну так, заценить. А то всю жизнь токо на рынок и обратно. А баулы Пашка на вокзале сторожит. Че, какая галантерея? Третьяковская? Не, туда не пойдем, я этот хоккей не люблю.

Но вот храм открыли. Общий поток увлек Деснина внутрь. Едва войдя, он тут же почувствовал себя мелкой сошкой, муравьем под гнетущей громадой церковных сводов.

Тем временем призывом «Миром Господу помолимся» началась служба. Деснин попытался сосредоточиться и также начать молиться, но этому мешала сырость и пронизывающий холод храма. Тогда Деснин стал приглядываться к присутствующим и с сожалением для себя отметил, что лишь немногие из них пришли для молитвы. Остальные представляли собой толпу праздных гуляк, желавших увидеть неоднократно описанное в газетах богатое внутреннее убранство храма. Они бродили, заглядывая во все закоулки, пялились на иконы и фрески и почти не обращали внимания на службу, лишь изредка бессмысленно крестясь. Наконец, Деснин перевел взгляд на священника. Это был довольно упитанный, массивный даже человек в дорогой, шитой золотом ризе, из-под которой, Деснин обратил на это внимание, выглядывали носки самых что ни есть супермодных туфель, как бы наглядно демонстрируя, что и святому отцу ничто человеческое не чуждо. Вдруг где-то рядом раздался телефонный звонок. Деснин повернул голову. Прислонившись к колонне, стоял коротко остриженный крепкий мужчина, по виду – типичный «браток» и о чем-то многозначительно говорил по мобильнику. «Должно быть с Богом, – усмехнулся про себя Деснин, – по прямой линии общается, за особую плату, разумеется».

– Долго тут будут? – толкала в бок баба в шортах подругу. – Спать хочу.

– Терпи, мы еще в гранатной палате не были, – отвечала ей спутница, коверкая название зала. – Там, говорят, поприкольней, побрякушки золотые всякие. А тут скукота.

Все это уже начинало раздражать Деснина. Совсем не то он ожидал увидеть в храме. Тем не менее, он выстоял службу, которая показалась ему сильно урезанной. Под конец в очереди желающих попасть под благословение священника началась типичная базарная склока. Две немолодые уже тетками воинственно обменивались репликами типа: я первая, а вас тут не стояло.

– Вам батюшка только что Евангелие читал, мол, возлюби ближнего, а вы... – попытался кто-то увещевать теток.

– Так то Евангелие, а то жисть, – безапелляционно ответили ему.

Понаблюдав за этим неприятным зрелищем, Деснин резко развернулся и вышел вон из храма.

– Подайте, Христа ради, – послышался на паперти плачевный голос нищей с ребенком. Однако никто из шедших со службы не обращал внимания на этот призыв. Деснин пошарил по карманам и высыпал всю мелочь в жестянку нищей.

– Сохрани тебя Бог! – услышал он в ответ.

Вечерело. Час пик. Время отправления поезда близилось. Деснин стоял на ближайшей остановке и, покуривая, ждал автобуса. Рядом стояли еще человек шесть—семь и среди них пацан лет одиннадцати, бледный, с трясущимися руками. Казалось, он с трудом сдерживает себя от чего-то. Но вот не вытерпел, достал из куртки шприц с какой-то мутью, снял с иголки колпачок, задрал рукав и на глазах у всех стал искать вену, которая еще не появилась. Все отвернулись, все, кроме Деснина.

– Эй, ты, малой. Ты че делаешь-то? А ну дай баян! – Деснин отобрал у пацана шприц и бросил его под колеса проезжавшей машины. Пацан посмотрел волком и куда-то юркнул. Спустя пару минут он возвратился в сопровождении бритоголового жлоба, которому указывал пальцем на обидчика. «Вот, черт, прости Господи, вечно я во что-то влипну», – думал Деснин, пока к нему подходил жлоб.

– Ты кто такой, в натуре, а? – начал тот сходу. – Че детей обижаешь? Щас его колбасить начнет, кто за дозу платить будет, ты?

– Он же мелкий совсем, – начал было Деснин.

– А мне чего? – оборвал его бритый. – У меня товар, у его папы бабки, а все остальное меня не колышет.

– Не по-божески это как-то, – вырвалось у Деснина, хотя сказать он собирался нечто иное.

– Чего?! – жлоб был явно изумлен. – Ты че, в натуре, с дуба рухнул? Не лезь не в свое дело, понял. Бабки гони, друг детей, блин. А то...

– А то что?

Вместо ответа Деснин получил приличный удар в челюсть. На мгновение он задержался, посасывая разбитую губу, словно пробуя кровь на вкус, а затем что-то рыкнуло в мозгу, и Деснин одним ударом свалил нападавшего. Тот, правда, все же успел отмахнуться и подсветил противнику небольшой фингал на левый глаз. Деснин уже хотел добить поверженного ногой, но с силой поставил ее на место. Лицо его слегка покраснело, и на правой щеке проступила белая рваная полоска старого шрама. Как раз подошел автобус, и Деснин заскочил в него, с удивлением отметив, что и на эту потасовку никто из прохожих не обратил никакого внимания, вернее, остановились, поглазели немного, отметили хороший удар и спокойно пошли дальше. «Может, все правильно, все так и должно быть? – думал Деснин, прокручивая события дня. – Наркоманы, проститутки, нищие... И раньше все это было, но не так нагло, словно напоказ. Или я просто не въезжаю? Но ничего, батюшка все объяснит, утвердит, наставит, и все будет в ажуре».

Глава II. УДАЧНОЕ НАЧАЛО

На следующий день Деснин трезвонил в дверь Юлькиной квартиры.

– Кого там черти носят в такую рань? – послышался из-за двери недовольный голос подруги.

– А ты открой – увидишь, – отозвался гость. – Да и обед, вообще-то, уже скоро.

Щелкнул замок. На пороге показалась заспанная Юлька. Деснин слегка обомлел. Он как-то забыл, что девушкам свойственно превращаться в женщин. А перед ним стояла не восемнадцатилетняя телка, которую он когда-то подцепил, скрываясь в Смирново, а женщина в полном соку.

– Я это, не помешал? – засуетился Деснин. – В смысле у тебя кто-то есть?.. В смысле сейчас... В смы... А-а! – махнул он рукой.

– Сейчас – нет, – Юльке было приятно это смятение. – Заходи. Я после смены как раз.

Едва переступив порог, Деснин вынул из-за спины руку и как бы невзначай сунул Юльке розу. Цветок произвел особое впечатление. Юлька смотрела на него как на что-то сверхъестественное. Затем осторожно взяла двумя пальцами и вдруг заплакала. Такой реакции Деснин никак не ожидал. «Мало, наверное, – думал он, – надо было еще взять. Не годится совет цветочницы, мол, лучше часто по одной розе, чем дюжину в год».

– Мне никогда не дарили цветов! – всхлинула Юлька.

– И мне, тьфу, в смысле и я не это... Ну чего ты ревешь? Я тебе еще куплю, – попытался было Деснин успокоить подругу.

– Правда? – всхлинула Юлька и разревелась еще пуще.

«Похоже, я от баб совсем отвык, – думал Деснин, переминаясь на пороге, пока Юлька наливала воды в вазу и бережно ставила в нее розу. Деснин даже успел поймать себя на мысли, что ревнует к этому цветку. Юлька, словно почуяв это, улыбнулась:

– Ну, чего встал-то как неродной? Иди вон прямо в ванную. Помойся сначала, да переоденься. У меня ж и шмотки твои остались. А то, чай, всех вшей да блох с зоны-то припер. Ты на себя хоть в зеркало глянь – на кого похож.

Деснин последовал совету и, посмотревшись в зеркало, пришел к выводу, что видок у него, действительно, не самый лучший.

– Н-да, – произнес он, поглаживая еще не успевшие отрасли волосы. – Недаром, вчера поезд ждал в Москве – зашел в новый храм, громадина страшная, и слышу сзади одна бабка другой базарит: «Ты за этим приглядывай – как бы чего не спер». А потом поп вышел и вылутился на меня так подозрительно. Я думаю: «Чего это ты на меня, батюшка, так косишься? Али я рожей не вышел?» Видать не вышел. А сами все говорят, что не о плоти, а о душе заботиться надо. Врут, получается? А один не врал – принял меня, каким я был. За то ему и поверил.

– Ты опять, что ли, про своего попа? – прокричала с кухни Юлька. – Достал уже с ним.

– Да ты пойми, Юль! Это такой человек. Есть в нем, – Деснин запнулся, стаскивая футболку, – что-то такое... Словами и не скажешь. Вот приезжали к нам на зону какие-то... баптисты, что ли. Ну, навроне попов, только без рясы. Говорят хорошо. И Библии бесплатно раздают. Но все равно не хватает чего-то. А вот у него это самое «чего-то» есть.

– Угу, из-за этого «чего-то» ты и сел, – оборвала его Юлька.

– Да ладно тебе. Как сел, так и вышел. Не об том речь. Я про то сказать хочу, что в нашей, русской церкви на меня вона как косились, стоило зайти, а эти самые баптисты сами по зонам ездят, не брезгают. Просто человеком себя чувствовать начинаешь.

– Ну, все, хватит, – не выдержала Юлька. – Что-то ты больно говорливый стал. Раньше вон слова не вытянешь. А теперь... В письмах писал только про своего Бога, теперь приехал – снова про него. Крыша в пути называется. Иди лучше мойся. Я пока приготовлю все.

Впервые за столько лет Деснин оказался в теплой ванной. Он разомлел, раскинул руки и так лежал минут двадцать, просто балдея от свободы. Затем пустил душ и принялся нещадно драить свое тело мочалкой, словно стирая с себя всю накипь, все темное, прошлое. Казалось, пенистый поток уносил все это прочь, в канализацию, навсегда.

Пока Деснин мылся, с собрания партактива вернулась Анна Петровна – Юлькина мать, которую гость, выходя из ванной, чуть не сбил с ног дверью.

– Здравсьте, – только и нашелся он что сказать и вновь закрылся. Стоя за дверью, он лихо-радочно соображал, что это за тетка и лишь с трудом опознал в ней «тещу» – настолько та поизносилась за последние годы. В свое время она, как передовик производства, была даже депутатом облсовета и всегда занимала активную жизненную позицию. Всю жизнь копила на отдельную квартиру, но в 91-ом грохнула инфляция и все вклады обесценились. Пережить такое Анне Петровне помогло лишь то, что в последний год своего существования советская власть все же сподобилась выделить ей двушку. Но затем уже другое государство накололо всю страну с ваучерами, а в результате дефолта 98-ого года отобрало последние копейки. Муж Анны Петровны спился с горя, а сама она подалась в революционеры, даже вступила в одну оппозиционную партию.

Теща также не сразу признала Деснина.

– Юль, он чего – сбежал? – наконец услышал Деснин настороженный вопрос из-за двери.

– Да нет – выгнали. Говорят: на хрена ты нам здесь не нужен, – отозвался он сам шутивым тоном, а затем уже серьезно добавил. – Да не боитесь вы – досрочно меня выпустили. Не верите – справку показать могу.

– А, ну тогда, Юль, трусы ему принеси, что ли. Чего же ему, голым скакать? – успокоилась Анна Петровна.

Спустя полчаса Деснин и хозяйки уже сидели за накрытым столом и отмечали встречу.

– Ну слава богу, – проговорила Юлька, когда Деснин ловко опрокинул первую стопку. – А я-то уж думала, что ты и вовсе порченый стал – и не пьешь даже.

– Раз в семь лет можно, – усмехнулся Деснин в ответ. – Может у меня, как ты говоришь, и крыша в пути – но не до такой же степени. Чего я тебе – монах что ли? И вообще, к тем, кто совсем не пьет, следует относиться с подозрительностью. Вот Аббат, помню, совсем не пил... К чему это я его помянул? А, ладно. Ну а я теперь выпиваю, но не нажираюсь. А так, пару капель, не грех иногда и выпить для того же аппетита. Хм, складно получилось.

Выпив и наевшись до отвала домашней пищи, Деснин слегка разомлел. Юлька включила телевизор. Как раз передавали новости. Чем дольше Анна Петровна смотрела, тем больше раздражалась, наконец не выдержала:

– Юля, выключи ты это средство массовой дезинформации – все врут.

– Зато как врут! – проговорила Юлька с чувством восхищения, присущим заядлому театралу.

– Да, – согласилась Анна Петровна, – раньше врали застенчивее. А ты, Николай, хоть в курсе, что у нас творится? А то пока ты, так сказать, отсутствовал, здесь многое переменялось.

– Ну, когда рассказывали, или по ящику смотрел – не верил многому, думал – врут.

– Ну по ящику-то точно врут. Все еще хуже. Идет целенаправленно оболванивание народа. Эти сволочи...

– Мам, ну не надо нам твоей политинформации, – оборвала Анну Петровну Юлька. – Не до этого.

– Это вам сейчас не до этого, а потом поздно будет: всю страну на корню продадут. Но ничего, вот мы им на выборах покажем! Ладно, отдыхайте, – с этими словами Анна Петровна ушла в свою комнату.

– А ведь я тебя ждала, – то ли гордясь этим, то ли оправдываясь, произнесла Юлька, когда они, наконец, остались наедине.

– Ждала-ждала, да не дождалась, что ль? – усмехнулся Деснин. – Да ладно – бывает. Все-таки семь лет... И сколько раз не дождалась?

– Да так, сколько-то, – неохотно произнесла Юлька куда-то в сторону. – Да какие тут мужики – пьянь одна, ничего не могут.

Деснин подсел к ней поближе и, сделав загадочное лицо, почти на самое ухо прошептал:

– Между прочим, уж я-то тебе точно не изменял. И знаешь почему?

– Почему? – тоже прошептала Юлька, готовясь услышать нечто романтическое.

– Да потому что на зоне баб нету! – загоготал Деснин.

– Гад, ты, Деснин, – обиделась Юлька, отталкивая того от себя.

– Да ладно тебе, Юль. Ты чего – шуток не понимаешь? – проворковал Деснин, насильно привлекая подругу к себе.

– Это ж прелюбодеяние, грех, по-твоему, – вяло сопротивлялась Юлька.

– Не, это только аванец. А потом, может, я на тебе женюсь.

– На мне? – совсем растерялась Юлька.

– А почему бы и нет. Новую жизнь надо с чего-то начинать.

– Ну ты даешь. И цветы, и замуж, и...

Больше Юлька не сопротивлялась вовсе.

На рассвете, едва открыв глаза, Деснин, словно ужаленный, вскочил с постели. Ему потребовалась целая минута, чтобы понять, что все это действительно не сон. Семь лет не лежать на нормальной кровати, семь лет не спать с бабой, семь лет ни есть, ни пить по-человечески. И вот оно теперь – все есть. И запах, запах женского тела вперемежку с духами. «А много ли человеку надо?» – подумал он, вновь залезая в теплую постель к Юльке.

Первый сон на воле четко врезался в память. Он еще просто мальчик Коля. Старшие пацаны решили проучить его за какой-то проступок, а заодно заставить зареветь, ведь за все время пребывания в детдоме он не проронил ни единой слезы. Поймали его собачонку, привязали к столбу и нещадно били ногами, тыкали палками. Сначала Белка старалась увернуться, визжала и дергалась от каждого удара. Но потом, обессилив, легла на землю, вытянув морду вперед. Она смотрела на Деснина и умоляла взглядом: «Спаси!». Из глаз ее катились слезы. «Ну реви же, реви! – кричал Дюсик, заводила компашки, размазывая собственные слезы по щекам, ему самому было жалко собаку. – Ревии!!!» Но Деснин лишь в очередной раз попытался вырваться из цепких рук пацанов. Не просил, не умолял и не ревел, хоть и было ему неимоверно жалко Белку...

На этом месте Деснин проснулся. Что-то холодное скользнуло подмышку. Он протянул руку – это был крестик.

С утра Юлька, собираясь на работу, старательно красилась у старенького трюмо. Материной пенсии едва хватало на оплату квартиры и Юлька сводила концы с концами только потому, что работала продавщицей, а стало быть на продукты тратиться не приходилось.

– Коля, Коля, Николай! Сиди дома, не гуляй, – подмигнула она Деснину, заметив, что тот проснулся. – Хотя мне сегодня до ночи сидеть придется – за сменщицу. Так что подходи после обеда в павильон, посидим. Он тут, на Ленина, не проскочишь. Ну я побежала.

Вскоре по своим партийным делам ушла и Анна Петровна. Деснин остался в квартире один. Для начала он плотно позавтракал. Затем, часа три лежа на диване, он тупо наслаждался одиночеством, которого не испытывал более семи лет. Потом попялился в телевизор, послушал плеер, принял душ: ему хотелось всего сразу. Попутно Деснин устранял мелкие поломки, которые часто встречаются в доме, где давно отсутствовал мужчина: починил капающий кран, хрипящую колонку, подвернул стеклянную дверку серванта. На полке его внимание привлек ваучер Анны Петровны, который стоял в специальной рамочке за подписью: «Осколок Вели-

кой Страны». Деснин повертел ваучер в руках (псевдоделёж социалистической собственности прошел как-то мимо его), но какого-то особого трепета по отношению к «осколку» не ощутил. А вот бесплатно распространявшаяся баптистскими миссионерами брошюра «Триумф Распяттого», которую Деснин откопал среди небогатой библиотеки, его заинтересовала. Но дочитать не вышло – в дверь раздался звонок. На пороге стоял оборванец лет десяти с большой матерчатой котомкой.

– Поможите, Христа ради, чем можете! – затынул он привычную песню.

– Денег не дам, – сразу предупредил Деснин. – Все равно старшие пропьют.

– Денег не надо. Поесть что-нибудь. Кушать хочется, – тоскливо протянул попрошайка.

Деснин, очевидно, припомнив себя в детстве, скрипнул зубами и кивнул: «Заходи». Побирашка был явно удивлен что его приглашают в дом, но все же вошел. «На кухню» – кивнул Деснин и поставил разогревать щи.

– Давно не ел-то? – спросил он через несколько минут, наблюдая как побирашка наворачивает.

– Суп – давно, – отозвался оборванец. – Я все хлебушек, да остатки там всякие.

Под второе пацан и вовсе разговорился:

– Я сначала от мамки с папкой сбежал – объедали, да все пропивали. Потом меня поймали и в детдом. Там меня усыновил дядя Сосо. Он хороший, кормил. Только попа болела.

– Порол что ли? – спросил Деснин.

– Нет, другое.

– А что же... Ах да... Господи! Вот сука!

От сытости пацан разомлел и совсем потерял бдительность, но заметив бурную реакцию Деснина спохватился

– Вы ведь меня не сдадите в детдом? И как дядя Сосо не будете? Тогда я пойду.

И побирашка ловко прошмыгнул ко входной двери.

– Вот уроды! – закрывая дверь вслух досадовал Деснин на всяких педофилов. – И откуда такие взялись – раньше ж не было?

Он вышел на балкон, покурил, хотел вновь поваляться на диване и почитать, но наслаждаться одиночеством больше не получалось, и Деснин решил прогуляться до Юльки.

Глава III. НЕ ВСЕ ТАК ГЛАДКО

На центральной площади, по которой проходил Деснин, наблюдалось скопление народа. Посмотреть было на что. Посреди площади на веревке, привязанной к протянутой к небу руке чугунного Ленина, висел человек. На груди его навроде таблички поблескивал квадрат зеркала. Это был местный алкоголик неопределенного возраста и неопределенных занятий, известный в народе как Вася Быдлов. Вообще-то его фамилия была Бызлов, но в народе ее переосмыслили, и было за что. В предвыборную страду – пору для всякого ранга аферистов – Вася становился электоратом: вешал на шею табличку с надписью: «Поставлю подпись за любого. Паспорт при себе, цена – умеренная» и бродил так по особо оживленным улицам. Ну а в остальное время зарабатывал себе на водку тем, что ходил за бутылку на все митинги, стачки, пикеты и прочие проявления народного, а также псевдонародного возмущения подряд и без разбора; таскал плакаты, какие дадут, и орал то, что скажут: в общем, создавал кворум.

– Ишь, даже мертвый – и то митингует, – бросил кто-то из толпы, разглядывавшей покачивающийся на ветру труп.

– Да, допился мужик. Я его трезвым уж полгода не видела.

– Но хоть бы удавился поскромнее, а то что это – на глазах у всех. Артист, блин.

– А ведь не глупый мужик-то был. Едкий, правда.

– Вот сам себя и съел. А в зеркале, зеркале, вишь, мы стоим.

– Я ж говорю: митингует все. Типа: я – это вы.

– Да ладно. Хрен его знает, что ему спьяну в голову взбрело.

Тут кому-то показалось, будто покойник дернул ногой. «Живой!» – пронеслось по толпе, но никто не двинулся с места, продолжая глазеть на небывалое зрелище. Лишь Деснин рванулся вперед, растолкал зевак и вскочил на бордюр перед памятником. Дотянулся он лишь до колен, неловко ухватил висельника за ноги и попытался приподнять.

– Отставить! – послышался приказ.

Деснин обернулся. К памятнику подбегал ментовской капитан.

– Да он вроде жив! – не отпуская ног прокричал Деснин.

– Какой там жив, – возразил кто-то из очевидцев. – С самого постаamenta прыгнул. Тут всю шею вмиг сломаешь.

– Отпусти, – приказал капитан, – и отойди. Щас специалисты подъедут и разберутся. Ты сам-то вообще кто такой?

Вместо ответа Деснин спрыгнул с постаamenta и потянулся рукой в карман, где нащупал справку об освобождении. «А ведь заберут до выяснения, – неслись в голове мысли, – Кто его знает, что у ментов на уме. Такое дело замять не просто. Мне же предъявят, что я этого мужика додавил – и я крайний. К тому же на учет не встал, не отметился, а сутки уже прошли. Плакало мое УДО.» Но тут раздался вой сирен. Милиция, скорая и пожарные подъехали почти одновременно. Толпу попросили разойтись. Деснин также предпочел побыстрее ретироваться с площади.

– А ты постой, – окликнул его капитан.

Деснин притормозил было, но тут заметил, что к остановке через дорогу от площади подъезжает троллейбус. «Не хочу я больше в камеру, гражданин начальник», – буркнул он себе под нос, рванул через дорогу и заскочил в уже закрывавшуюся дверь. Подойдя к окну, Деснин наблюдал как капитан машет руками и матерится, безуспешно пытаясь перейти оживленную улицу.

Проехав пару остановок, Деснин на всякий случай пересел на троллейбус другого маршрута. Этот был забит под завязку, так что затеряться не представляло сложности. В центре задней площадки стояла большая дорожная сумка. Граждане спотыкались об нее и громко выра-

жали свое неудовольствие. Заметив это, кондукторша бросила мимоходом: «Поставьте сумку к окну!» Хозяин, однако, не объявился, и сумка осталась на месте. Снова оказавшись на задней площадке, кондукторша повторила свое требование. И снова никакой реакции.

Тут кто-то, зевая, выдвинул глубокомысленное предположение: «Бомба, наверное». Близстоящие граждане начали с опаской поглядывать на подозрительную сумку. С трудом продравшись сквозь толпу на заднюю площадку, кондукторша потребовала у владельца сумки откликнуться. В ответ – молчание.

«Точно бомба!» – распространился слушок среди пассажиров. Как ни странно, никакой паники не наблюдалось и к выходу никто не стремился. Напротив, народ желал разглядеть «бомбу» поближе.

«Дайте и другим посмотреть...» – слышалось в толпе. «У меня за проезд уплочено. Если бомба, то кто возместит?» – волновалась какая-то бабка. «Что за безобразие? Каждый день бомбы. Я опаздываю!» – возмущался еще кто-то.

На ближайшей остановке входящих с каким-то странным восторгом предупреждали: «У нас тут бомба!» «В самом деле?» – удивлялись те, но заходили, ведь следующий троллейбус еще не известно когда подойдет.

Тем временем смельчаки легонько попиновали злополучную сумку, а кто-то наклонился и решил ее вскрыть. Хозяин этого не выдержал и наконец объявился. Им, вернее ей, оказалась девушка с лицом, в котором при желании можно было разглядеть черты «кавказской национальности». «Шахидка!» – понесся новый слух. Публика оживилась. Почти все горели желанием разглядеть «чеченскую террористку» в натуре. Девушке на чистом русском языке пришлось доказывать, что она вовсе не шахидка и никаких кавказцев у нее в роду никогда не было.

Тем временем с передней площадки продрался милиционер, оказавшийся в троллейбусе. «Что в сумке?» – сходу начал он допрос. «Вещи мои», – невозмутимо ответила девушка. «А почему стоит не на месте?» «Потому что тяжелая, да и выходить мне скоро», – просто объяснила хозяйка. Публика явно была разочарована подобной развязкой. Теракта не получилось.

Едва появился милиционер, Деснину стало не по себе. Он вышел на ближайшей остановке и, немного попетляв по улицам, забрел в центральный городской парк.

Раньше здесь стояли аккуратно подстриженные деревья и кусты, были разбиты многочисленные клумбы, установлены обихоженные лавочки. Теперь же царило запустение: деревья росли кое-как, цветники заполонила трава. Возле одной из уцелевших лавочек валялись пивные полторашки, окурки и даже использованные презервативы – чувствовалось, что молодежь после дискотеки оттянулась по полной программе. На другой лавочке храпел алкаш, а больше и присесть было негде. Посреди парка белел пустой постамент. Надпись: «В. И. Ленин» была замазана, а поверх намалевано красной краской: «Ушел в отпуск». Деснин брел по парку словно в дурном сне. Попрошайка, висельник и менты напрочь испортили все настроение. Так, в задумчивости, он перешел по мостику через небольшую грязную речушку, одолел пыльные переулки частного сектора и, наконец, вышел на одну из центральных улиц.

Юлькин павильон с крупной цветастой вывеской трудно было не заметить. Однако войти внутрь Деснину удалось не сразу. Открыв дверь, он напоролся на небольшую очередь. Собственно, большой она и не могла быть, так как в пространство между витринами втискивалось от силы человек семь. Очередь образовалась из-за заминки перед кассой, причиной которой являлся старичок, довольно помятый, но явно не бомж, а просто пенсионер, ветеран – на груди приколото несколько планок. Его внимание привлек очень аппетитного вида кусок вакуумно упакованной ветчины на витрине. На куске был ценник – шестьдесят семь рублей.

– Взвесьте мне, пожалуйста, ветчины грамм триста, – произнес пенсионер, прикинув в голове сумму, которую может себе позволить.

– Кусок продается целиком, – отрезала Юлька в забавном малиновом фартуке.

– Мне не надо весь, – не понял пенсионер, – мне грамм триста, чтобы рублей на двадцать вышло...

– Мужчина! – в голосе Юльки почувствовалось раздражение. – Во всем куске триста писят грамм, и стоит он шисят семь рублей!

В очереди начался возмущенный ропот: все торопятся, всем некогда.

– У меня праздник сегодня – пенсия, – робко, словно извиняясь произнес ветеран, обращаясь к присутствующим. – Мне целый килограмм не надо. Мне рублей на двадцать, только вкус вспомнить...

– Не буду я резать на двадцать рублей! Кусок в упаковке и продается целиком! – пыталась внушить Юлька. – А килограмм стоит сто восемьдесят.

Затем она добавила в сторону, явно на публику: «И чего вот с такими делать?»

Возмущение в очереди росло, пенсионер это чувствовал.

– Тогда... тогда, – робко сказал он, – дайте мне буханку хлеба и килограмм лапши...

И как-то сразу ропот в очереди стих. В наступившей тишине пенсионер взял свою лапшу с хлебом и стал протискиваться к выходу. Деснин вышел следом и наблюдал, как ветеран понуро побрел прочь со своей жалкой авоськой.

– Слышь, дед, – окликнул его Деснин. – Ты это, постой здесь. Вот те сигарета, покури пока. Не уходи, понял?

Он скрылся в павильоне, и спустя пару минут вручил старику заветную ветчину.

Когда народ в павильоне рассосался, Юлька поинтересовалась у Деснина куда тот подевал копченость.

– Всех не накормишь, – усмехнулась она, услышав ответ. – Я такое каждый день наблюдаю, но если каждому ветчину дарить, недолго и без работы остаться. Полстраны уже лет десять никакой ветчины не пробовали, и что?

– Ну вот, Юль, и ты тоже злая какая-то стала, – вяло пробурчал Деснин.

– А как же мне быть доброй, когда кругом все так дорого?

– Так и зачем же все это, – Деснин обвел взглядом прилавки. – Нехилый ассортимент.

– Хм, – усмехнулась Юлька. – Мнимое изобилие-то и недоступное. Как раньше брали только водку да хлеб, так и сейчас берут. А все остальное – так, в двух-трех экземплярах стоит на полке для приличия. Особенно колбасу никто не ест – отравы, а не колбаса, в рот не вломишь. Раньше всего пару сортов было, но оба качественные и недорогие. Сейчас их до черта, но один хуже другого. Хороших тех же пара осталась, но стоят втридорога. Да и цены все растут и растут – ценники вон через день переписываю. А по ящику орут: мы вам колбасу дали, жрите. Сами жрите. Вот яйца, крупы, макароны да песок с солью – весь товарооборот. А все остальное изобилие можно выкинуть. Все остальное не на что народу покупать, да и незачем. Как мать не скажет: «Родину на колбасу променяли. Да только колбаса фальшивая, имитация. И водка фальшивая. Да и свобода с этой демократией – тоже фальшивые. Даже президент с депутатами». Ой, чего говорить, – махнула Юлька рукой. – Ты вон в подсобку проходи. Мне тут экспедитор один бутылку презентовал за заказы. Щас раздавим.

За разговорами да за постоянными отлучками Юльки для обслуживания покупателей бутылку растянули надолго. На дворе смеркалось и в павильон зачастил другой контингент клиентов, которым нужна была лишь водка, пиво, да что-нибудь на закуску. Заходили и малолетки, требовали портвейна или хотя бы коктейль, но Юлька выпроводила их ни с чем. И весьма кстати, так как в павильон пожаловал ментовской капитан, тот самый, что накануне пытался задержать Деснина. Здоровенный бугай с простодушным от рождения лицом, но злой от работы ухмылкой.

– Бухаете? – сходу спросил мент Юльку.

– А ты почему знаешь?

– Работа такая. Ну чего, наливай, что ли.

Хряпнув грамм сто и слегка поморщившись, мент пригляделся к Деснину, который как на грех выходил в тот момент из подсобки покурить.

– Опа! На ловца и зверь бежит.

Деваться Деснину было некуда, и он приготовился к самому худшему.

– Ты чего натворил? – уставилась на него Юлька.

– Да ничего, – буркнул Деснин в ответ. – Мужика из петли вынуть хотел.

– Ага, а потом скрылся. Ты его знал? – тут же начал допрос капитан.

– Да откуда. Я неместный вообще.

– А я вот и вижу. Документы при себе есть какие?

Деснин молча протянул справку.

– У-у, сто пятая. Ясненько.

– Андреич! – выскочила из-за прилавка Юлька и ухватила мента за рукав. – Ты чего удумал? Он же ничего не сделал.

– Не сделал, так сделает, – одернул руку мент. – У меня на это нюх.

– Да завязал он. Это... это жених мой.

– Ха! – усмехнулся капитан. – По переписке что ли? Ну прям «Калина красная». Да только то кино, а я в кино не верю. Не боишься с уголовником-то? Он у тебя еще и хату с магазином выставит. К нам побежишь, да поздно будет. А с тобой, – обратился он к Деснину, – мы еще разберемся. Одно нарушение уже есть – не отметился.

– Да я как раз шел, – соврал Деснин.

– Вижу я, как шел. Еще одно нарушение, и как УДО получил, так и обломишься, знаем мы вас. Это, Юль, у меня там в машине еще трое пацанов. Дежурство долгое...

Юлька без лишних слов выставила водку на прилавок.

– Ну и на закуску чего-нибудь заверни, – потребовал мент и ушел не расплатившись.

– Это что, крыша? – спросил Деснин.

– Да так, – махнула рукой Юлька. – У хозяина еще на рынке точка – менты докопаться могут до всякой ерунды. В общем, дороже выйдет, так что в водке велено не отказывать. Но они не особо наглеют: только по выходным заходят.

– Понятно. Ментовской беспредел. Если этот урод на меня зуб имеет... Вот влип, а, – расстроился Деснин. – Только откинулся – опять нары светят. Они ж с этим мужиком на памятнике дело просто так не замнут, меня дернут еще. Не хочу я туда больше. Знаешь, Юль, лучше я отъеду ненадолго, от греха подальше. Да и надо мне...

– Куда?! В Москву? Опять к этим своим корешам, уркам недобитым?

– Да нет. Сказал же – завязал я. Значит: завязал. И смирился.

– Ага, – пробормотала Юлька под нос, – Ничего себе смирение – не успел на волю выйти – уже глаз подбитый, да вон от ментов бегаешь... А-а, – Юлька повысила тон, – ты к своему попу, да? Черт бы его побрал! Ты ж ведь из-за него сел, сам сел. И чего он тебе только наговорил? Чем мозги до такой степени запудрил?! Чем...

– Юля! – в глазах Деснина мелькнула злость.

– Чего: Юля, Юля. Я уж двадцать пять лет Юля! – Юлька демонстративно отвернулась.

– Юль, – Деснин положил руку на плечо подруги, – надо мне съездить. Понимаешь – надо. Полагается так. Благословение получить. На новую жизнь. Да еще договориться насчет венчания. По-божески теперь жить будем.

Но даже слово «венчание» не произвело впечатления.

– Не ездит туда, Коля, не ездит! – вцепилась Юлька в плечо Деснина.

– Да почему ж не ездить-то?

– Интуиция у меня. Не ездит! А?

– Да какая, к черту интуиция? Чего там со мной случиться-то может?

– Случится... Не ездит, Коль. Зачем тебе?

– Слушай, отстань со своей дурацкой интуицией, – раздраженно произнес Деснин, отрывая от себя Юлькины руки. – Сказал съезжу – значит съезжу. Хм! «Интуиция», тоже мне!.. Ну ладно, Юль, – смягчился он, – Ну не реви ты. Я туда и обратно, ладно?

Глава IV. РОКОВОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Следующим утром Деснин уже сидел в купе плацкартного вагона. На одной из станций подсел и расположился напротив попутчик с довольно необычной внешностью. Длинные черные волосы, далеко выдающийся вперед подбородок, большой «орлиный» нос, узкие, почти бескровные губы. Одет во все черное, но более всего поражали его темные, пронзительные глаза. При желании на бледном лице этого странного субъекта можно было различить узкий шрам, идущий почти через всю левую щеку.

Попутчик не отрываясь смотрел на Деснина исподлобья, словно стараясь проникнуть в самую глубину души его. Деснин делал вид, что не обращает внимания на этот упорный взгляд, но вскоре не выдержал:

– Что это вы меня так рассматриваете, словно в душу влезть хотите?

– В душу? – встрепенулся попутчик. – Гуф – зал душ – давно уже пуст. Вот я и смотрю на людей. И не вижу.

– Чего же? – изумился Деснин.

– Людей не вижу, – отвечал попутчик. – Души в них нет. Давно уже рождаются люди без душ, а иные давно уже заживо умерли, живые мертвецы. Душевная энтропия уже наступила, не за горами и вселенская. Пророчество сбывается. «Я не нашел никого из них жаждущим, и душа моя опечалилась. Ибо они слепы в сердце своем и они не видят, что они приходят в мир пустыми; они ищут снова уйти из мира пустыми».

– Вы это о чем? – во второй раз изумился Деснин.

– Да так, – задумчиво произнес попутчик, явно не желая продолжать разговор ввиду его бесполезности. Тем не менее Деснин спросил:

– А разве можно разглядеть душу?

Попутчик еще раз внимательно посмотрел на Деснина и ответил:

– Можно. Только это не аура, о которой сейчас столько говорят, а нечто иное. Аура есть у всех, а вот душа – нет. Но в тебе я кое-что разглядел.

– Ну и ладно, – вполне дружелюбно произнес Деснин, выставляя на столик четверку и выкладывая несколько карамелин. – Не пьянства ради, веселия для. По пять капель. Радость у меня сегодня большая.

Попутчик не успел отказаться, так как Деснин в одно мгновение разлил водку по одноразовым стаканчикам.

– Ну, давайте, – торопил он.

Попутчик с явным омерзением взял свой стаканчик в руку и, лишь немного пригубив, вновь поставил его на столик. Деснин же выпил все до дна и закусил карамелькой.

– Хм, интересно, как в зеркале – произнес он, – у вас шрам на левой щеке, а у меня на правой, – Деснин провел рукой по небольшому корявому шраму. – Только у меня рваный от осколка, а у вас ровный. От ножа?

– От шпаги, – нехотя ответил незнакомец.

Деснин хотел поинтересоваться где же это до сих пор дерутся на настоящих шпагах, но понял, что лучше не лезть с расспросами. Наступило неловкое молчание. Было душно. Деснин расстегнул ворот рубахи, задев при этом крестик, который вывалился наружу.

– Вот, вижу, крест носишь... Может, и в Бога веруешь? – наконец нарушил молчание попутчик.

– Верую, – бодро ответил Деснин, – Вот и сейчас к священнику одному под благословение да причастие еду.

– Ха! – усмехнулся попутчик. – Христианство – штука хорошая. Да только оно для людей. А сейчас...

Попутчик замолк и, казалось, погрузился в свои мысли.

Над столиком кружилась залетевшая в окно оса. Наконец она пристроилась к надкушенной карамели, из которой на стол вытекло немного начинки, и в наступившей тишине привлекла внимание обоих собеседников.

Попутчик в этот момент вертел в руках небольшой ножичек ручной работы, который Деснин вынул из кармана, ища затерявшуюся зажигалку.

– Оса нектар пьет, а меду не дает, – припомнил попутчик пословицу, и с этими словами взял, да и разрубил ножом осу пополам. Не обращая на это внимания, оса продолжала пировать, и сладкая струйка сочилась из ее рассеченного брюшка.

– К батюшке, говоришь, едешь под благословение. Хм. А как зовут твоего батюшку? – спросил попутчик, не сводя глаз с осы.

– Никодим, – просто ответил Деснин.

В этот момент оса собралась взлететь, и только тут ей стал понятен весь ужас ее положения. Вместо крыльев у нее были лишь обрубки.

– Никодим, – повторил попутчик, все так же внимательно наблюдая за осой. Вдруг он метнул быстрый взгляд на Деснина. Что-то блеснуло в его темных глазах. Казалось, что он хотел что-то сказать, но вовремя сдержался и вновь перевел взгляд на осу.

– Это хорошо, что веру имеешь, когда кругом царит духовная пустота, моральная нищета... В наше время духовные ценности ценятся столь мало. А все оттого, что у многих и души-то нет. Некуда эти самые духовные ценности помещать. Сосут все жизнь, словно эта вот оса варенье, наслаждаются, так сказать, самим процессом. А то, что им душу отсекают – этого-то и не замечают. Бескрылые потребители с ампутированными душами. Не положительные и не отрицательные – круглые нули, дырки от бубликов. Ведь сказал же Христос: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Да и сам Он для чего умирал на кресте, сам, по собственной воле? – Чтобы доказать ничтожность, мимолетность плоти и величие, бессмертие души. А с душами-то сейчас как раз и проблема. И это не какое-то там равнодушие, это гораздо страшнее. В равнодушном еще можно пробудить душу. Здесь же не равнодушие, а обездушивание. Пробуждать просто нечего. Хм. Тотальная бездушность. Полное бездушие. И куда ее, бедную, только загнали? Дьявол с Богом бороться должны, а поля боя-то и нет! Не холоден современный человек и не горяч. В этом весь ужас. Ведь в конце концов, вся эволюция, все вокруг – только для того, чтобы Богу было куда вдохнуть душу, частицу себя, а тут...

Видно было, что попутчик говорит что-то важное для себя, выстраданное. От напряжения даже лицо его слегка зарделось, отчего отчетливее проступил шрам на щеке. Деснин далеко не все понял из этой эмоциональной речи и с удивлением смотрел на странного собеседника. И вдруг стало ему жаль попутчика. Невыносимо жаль. Деснин чувствовал, что должен что-то ответить ему, но не знал как. А попутчик все так же внимательно наблюдал за осой. Наконец он произнес:

– Мир вообще идет по пути нравственного совершенствования не вверх, а вниз.

– А как же в космос летают, компьютеры всякие, интернет? – удивился Деснин

– Это все внешнее развитие, а внутри – пустота. Люди получили некую комфортность существования, но при этом окончательно потеряли смысл жизни. А ведь вся наша жизнь должна была быть стремлением приблизиться к Нему, приблизиться настолько, чтобы стать подобными Ему и после смерти слиться с Ним в единое целое. Но, воспользовавшись данной свободной волей, мы не захотели идти по пути к Нему. Мы пошли по пути от него. Как говорил Ницше: «Вы предпочли вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека!» А теперь человека и вовсе не осталось, потому что он весь ушел в предметы, и душу окончательно поглотила материя. Тысячу раз верно: «Не бойся плоти и не люби ее. Если ты боишься ее, она будет господствовать над тобой. Если ты полюбишь ее, она поглотит тебя».

Деснин удивлялся все больше и больше. Ему вспомнился ночной разговор с Никодимом. Тогда старый священник смог разубедить его в одной идее, но теперь этот странный попутчик словно заочно перечил Никодиму.

– Жизнь – это существование души, а тела – это всего лишь презренная материя. Жаль только, что у некоторых душа настолько оматерилась, что неразрывно слилась с телом. Что ж. Для таких смерть наступит вместе с прекращением биологического существования. Но что их жалеть? Ведь они уже и не люди вовсе, а так – бродячая материя, и все. «Но животворит Дух, плоть не приносит никакой пользы, и всякое древо, не приносящее хорошего плода, срубают и бросают в огонь».

– Это что-то из Евангелия? – силился вспомнить Деснин.

– Да, оттуда. Ты, я вижу, читал?

– Читал, да только не все понял.

– Ничего, и попы половину не понимают. Вот спроси их, о чем это: «Если смоковница не приносит плода – сруби ее». Не ответят. А это: «Соль хороша; но если и соль станет пресной, чем вернуть ей соленость? Она не годится ни в землю, ни в навозную кучу; ее выбрасывают». Это как раз о тех, у кого душа ампутирована.

– То сжигают, это выбрасывают, а людей, стало быть, убивают?

– Хм, – вопрос ничуть не смутил попутчика. – Смерть плоти не страшна – ведь душа-то остается. Страшно, когда умирает душа, а остается лишь плоть. Так-то вот.

«Ну уж у меня-то она, эта самая душа, есть, – думал про себя Деснин. – Есть! Никодим мне ее вернул. О, что это за человек, способный возвратить душу, и что это такое – обрести ее вновь, покой обрести и коснуться благодати. И все это он, Никодим, сделал, он – залог всего...»

Велика потребность русского человека обрести святыню или святого, который не подведет, не изменит, перед которым можно просто пасть на колени, поклониться ему. И легче жить станет, потому что если кругом зло и несправедливость, если неправда кругом, то все равно – вот он – есть на земле святой и праведный, у него правда, в нем; значит, не умирает она, а, стало быть, когда-нибудь воцарится и по всей земле. Непременно – чтоб по всей земле. Мало русскому человеку правды лишь для себя.

Именно это хотел сказать Деснин этому странному пессимисту, а затем пригласить его с собой к Никодиму, чтоб увеличилось число, чтобы больше правды стало на земле. Но как-то так получилось, что он вдруг стал рассказывать не о Никодиме, а о себе самом. Сказался синдром случайного попутчика, которому, особенно после пары стопок, случается рассказывать о себе больше, чем даже самым близким людям. Однако Деснин почему-то повел рассказ не от первого лица, будто не о себе, а о другом, о некоем кореше, имя которому он все же оставил свое – Николай.

Глава V. СКЛОНЕН К АГРЕССИИ

Отца Николай не знал совсем, а мать умерла, когда не было ему еще и пяти лет. Впрочем, тогда ребенку об этом не сказали. Малочисленные родственники сироту не пригрели (были на то свои причины), так и оказался маленький Коля в детдоме. До сих пор помнил Николай, как спустя полгода его пребывания в этом учреждении появилась новая воспитательница, которая первым делом раздела ребятишек догола для осмотра и обнаружила у него на груди серебряный крестик. Была она, очевидно, убежденной атеисткой, так как тут же сорвала «предмет культа» с шеи ребенка и выбросила в ведро, заявив, что никакого Бога нет. Мальчик, в общем-то, и не понял ничего про Бога. Крестик этот ассоциировался у него исключительно с образом матери – надела она его сыну (хоть и не был тот крещеный) незадолго до смерти. И это было единственное, что осталось от нее, символом светлых воспоминаний о нормальном детстве. Мальчик ревел и просил воспитательницу вернуть подарок, иначе он пожалуется маме, но та заявила, что нет у него никакой мамы и что «сдохла она как собака». Вся эта история была первым ударом, покорежившим юную совсем душу.

Многое закладывается в детстве. Озлобленность, зависть, презрение окружающих, отсутствие любви – все западает глубоко в душу, вызывает желание отомстить всем и вся. Так и рос Коля худо-бедно сиротой, молчаливый и не улыбочивый. Рос, стоит заметить, пацаном хулиганистым, был драчлив и вспыльчив, отчего все наперебой пророчили ему, что из детдома попадет он прямиком в другой казенный дом. Однако ж хулиганил Коля не как все, а как-то по-особому, словно скрывал за своими выходками что-то. Наказания принимал с достоинством и даже с некоторым вызовом, чем неоднократно пугал воспитательниц, которые под конец и вовсе отказались от рукоприкладства, говоря, что бить такого грешно. И действительно, только понял это Николай гораздо позже, всеми своими хулиганскими выходками пытался он заполнить ту душевную пустоту, что была внутри, привлечь к себе внимание, сделаться нужным, хотя бы лишь и для наказания.

Время шло, Николай рос, а вместе с ним росла и душевная пустота внутри. И чтобы заполнить ее, приходилось идти на все более отчаянные поступки. Так, едва выйдя из детдома, Николай чуть не угодил, как и пророчили ему, за решетку. Благо государство проявило снисхождение к сироте и отправило его не в тюрьму, а в армию, где признали, что парень, в общем-то, толковый, усердный, реакция отличная, физика на уровне. Короче, хороший солдат. Криминальный проступок его списали на трудное детство и постарались забыть. Так оказался Николай... Впрочем, где служил и чем занимался в армии, на эту тему он никогда не распространялся. Обмолвился лишь раз, что в спецназ не попал – тесты завалил, дескать, склонен к чрезмерной агрессии. В общем, не вышло из него сверхсрочника – дембельнули. Может быть зря – на гражданке он так и не освоился. В первые же полгода пребывания на воле получил Николай условку. «За правду» – как считал он сам: пытался защитить соседа, деда Федора, инвалида войны, от издевательств со стороны какого-то молокососа. Да перестарался – молокосос оказался в больнице с тяжкими телесными.

– Ну, условка это знаешь, чего такое? – Деснин разговорился настолько, что даже не заметил, как перешел на ты. – Это как в игре компьютерной – все жизни потерял, одна осталась. И вот играй дальше как хочешь. Одно неверное движение, и ты проиграл, – Деснин налил себе еще водки и продолжал. – Обычно заваливаешься на какой-нибудь ерунде. Ну вот, как в игре – так и тут. А Колян этот как раз запил. Обидно как-то стало: за правду – условку вкатили. Ну, в общем, нарвался он как-то на одних по пьяни. Тут, как назло, менты подкатили. Ну кореш и на ментов попер. Говорят, одного чуть ли не совсем ухайдакал. Это у него с армии еще. Немного «того» – сдвиг по фазе бывает. Испытывали на них... а, не важно, – при этих словах Деснин машинально провел рукой по шраму. – В общем, сел. Сидел под Москвой. Дали ему

там наводку на одного блатаря, кликуха у него «Аббат». Ну кореш, как вышел – сразу к нему. Не стал мыкаться после ходки, как многие.

Нашел он Аббата этого. Хм! Понравилось тому очень, что кореш мента чуть не замочил. Посмеялся он и над тем, как тот условку получил. Еще насчет армии все пытал, а потом сказал, что такие, как он, ему нужны. В общем, стал кореш у него типа охранника-телохранителя. Жил нормально, не жаловался. Да и Аббат этот попался какой-то правильный. Хотя на зоне о нем много чего рассказывали, но, по крайней мере, пока кореш у него работал, ничем таким тот вроде как не занимался. Повторять все любил: «Мое криминальное прошлое – в прошлом».

Колян уж подумал, что он совсем чистый, но однажды поручил Аббат ему слежку за одним Аптекарем. Был такой, на наркоте специализировался. Кореш только потом понял, что Аббат и эту сферу контролировал, а Аптекарь ему мешал, потому что и сам подсел – непредсказуемый стал. В общем, вышел в тираж. Но на людях они казались приятелями. Аббат даже сам Аптекарю намекнул, что кто-то желает того убрать, и присоветовал Коляна в качестве охранника. Колян только потом понял, что психолог этот Аббат был. Понял он его слабость, ну, что у того планка бывает, съезжает, и на этом сыграть решил. Пригласил как-то к себе на ужин и вдруг заговорил об Аптекаре:

– Я ведь его мало знаю. А тут поинтересовался, хм, все-таки тесен мир. Так вот, хочу рассказать тебе одну историю. Аптекарь этот был в свое время начальником фармсклада – потому и кличка такая. Уже тогда приворовывал потихоньку и наркоту. И вот устроилась на склад наивная провинциальная девочка, сразу после фармучилища. Для начала Аптекарь попросил ее помочь переклеить то ли этикетки, то ли еще чего – детали не знаю. Объяснил, что разбилась партия морфина, если дойдет до начальства – ему плохо будет. Запудрил мозги, как водится. Тогда она его пожалела, но когда с подобными просьбами он стал обращаться все чаще, поняла она все. Вот он ее и посадил на иглу. Тебе тогда было, должно быть, года три-четыре. Ты ведь помнишь мать?

В душе Николая все сжалось. От напряжения он даже погнул вилку. На щеке проступил корявый шрам. Аббат сделал вид, что не обращает внимания, но между тем было заметно, что он доволен реакцией.

– Дальше что? – буркнул Николай, переполняемый нехорошими предчувствиями.

– Дальше он все же засыпался со своим бизнесом, – зевая, продолжал Аббат. – Это все-таки советские времена, а не нынешний перестроечный беспредел. Был на зоне, но недолго.

– Ну а мне-то что до всего этого? – не выдержал Николай.

– А то, что срок он получил небольшой только потому, что устроил передоз главному свидетелю.

Николай сидел не шелохнувшись, уставившись в одну точку.

– Он убил твою мать! – вдруг выдохнул Аббат прямо ему в ухо...

Деснин подхватил так и не выпитый попутчиком стаканчик и опрокинул его содержимое в рот.

– Неделю Колян в запое был, – продолжал он. – А потом... потом, хм. Грохнул он этого Аптекаря. Прямо на пороге его квартиры. Без разговоров, с двух стволов, душетом. Тот откинулся сразу, ничего не понял даже.

Тут Деснин поймал себя на мысли, как легко он теперь рассказывает первому встречному об искупленном грехе своем, будто и не о себе говорит, а о другом. Или было это все в прошлой жизни, а теперь он будто заново рожденный. Но затем, так же неожиданно, Деснин поймал себя на другой мысли.

– Грохнул он его, и... облегчение какое-то почувствовал, словно назойливую муху или, – Деснин взглянул на разрубленную осу, которая беспомощно барахталась в вязкой лужице, вытекшей из нее же самой. – Или вот эту осу прибил.

В этот момент он с силой обрушил кулак на останки осы.

Внутри что-то шевельнулось. Сомнения, словно бесшумные змеи, стали заползать в сознание. Ни цинизм, ни вся мерзость зоны не смогли сломать в Деснине той веры, что внушил ему Никодим. Но сейчас... Это сравнение с осой...

«Ты был прав, прав, – сквозь знакомый, но уже начавший забываться рев шептал какой-то голос. – Ты убил лишь плоть, души ты не губил. Ты был прав!»

«Нет! – возражал другой голос. – Не тебе решать, кого убивать, а кого миловать. Нет! Вспомни Никодима, вспомни!»

Деснин тряхнул головой. Голоса исчезли. Только сейчас он заметил, что попутчик все так же напряженно, как и вначале, смотрит на него.

– Жизнь – это непрерывное испытание, постоянный Армагеддон, – задумчиво произнес попутчик. Затем открыл свой кейс, достал оттуда небольшую книжку карманного формата и протянул ее Деснину. – Вот, почитай на досуге. Может, она тебе кое-что прояснит.

Деснин, пожав плечами, взял книжку. «Персональный Армагеддон» – прочел он название и, повертев книжку в руках, сунул ее в карман с обещанием, что непременно прочтет.

– Ты, я так понимаю, отсидел за это убийство? – наконец спросил попутчик.

– А что, заметно? – Деснин понял, что его раскусили.

– Да просто уж слишком хорошо знаешь этого Коляна своего. Прямо как себя... А в черта ты веришь?

– В черта? – удивился Деснин неожиданному повороту.

– Да, в сатану, дьявола, короче того, кто противостоит Богу.

– Я в Христа верю, а Христос и с сатаной, и с бесами говорил. В Евангелии Его эти бесы даже раньше людей признали.

– Вот-вот! – оживился попутчик. – Причем общался он с ними едва ли не чаще, чем с Отцом. А теперь все считают, что это средневековые сказки, и никто в них не верит. Сатана добился своего, ведь главная хитрость дьявола – убедить нас в том, что его не существует. Поэтому сатанистов называют как угодно – каббалисты, масоны, парапсихологи. Просто сатана скрывается под другими именами, а произнести истинное его имя – уже подвиг. Сказано: «Знаешь признаки антихристовы, не сам один помни их, но и всем сообщай щедро». Но современный человек готов поверить в инопланетян, мутантов, привидения, вампиров, но только не в сатану. Может быть, кто-то целенаправленно вытравливает представления о нем, а заодно и о Боге?.. Впрочем, кажется, я оборвал твой рассказ. Что дальше?

– А, ну, – попытался сосредоточиться Деснин, – в общем, придит кореш, ну в смысле я к Аббату. Рассказываю, мол, так и так, а он даже ничуть не удивился. Усмехается только. Тут я и понял, что он всю эту игру спецом затеял. Психолог чертов. Он давно этого Аптекаря убрать хотел, а тут я сам все сделал, по собственной воле. Он мне мокрухи не поручал, так что сам чистым оставался. Ну а я... Сказал он, что мне ноги надо делать и залечь где-нибудь на дно. Ну я и подался подальше от Москвы. Свой родной Кадилов не люблю я, да и надежней было схорониться в облцентре – Смирново. Там и подругу подцепил, у чурок отбил: они падкие до русских целок, гады. Пока деньги были, торчал там. А как кончились, думаю: надо обратно в столицу. Обычная жизнь тогда не по мне была. Я, конечно, понимал, что на прежнее место меня Аббат уже не возьмет – меченый я, а он любил чистеньких. Но думал, может куда-нето пристроит – должок все-таки за ним. Ну, а чтоб первое время в Москве перекантоваться, жизнь там, сам знаешь, какая, решил я пару досок с собой прихватить. Доски – это иконы по-нашему. Они там в большой цене. Хм! Все-таки странный у нас народ: воры замаливают грехи на ворованных иконах, купленных на ворованные же деньги.

– Да какой там «замаливают» – мода просто, – вмешался в повествование попутчик. – Раньше – книги на полках; теперь – иконы по стенам. Природа, даже Бог – и тот всего лишь предмет пользования, аксессуар. А к вере полное равнодушие. Органа веры нет, вот и нечем верить.

– Может и так, – согласился Деснин и продолжил. – Ну, в общем, решил я с Богом поделиться. Я ведь тогда ничего не знал и... Присмотрел себе одну сельскую церковь. Не новую, каких сейчас понастроили, а старую, настоящую. И поп при ней, знаешь, тоже настоящий, не то, что нынешние. Всю жизнь при этой церкви прожил. Говорят, при Советах единственная действующая церковь была на несколько районов, это я потом узнал. Так вот...

В этот момент поезд остановился, и по вагону прошуршала проводница, невнятно бубня себе под нос: «Печужск. Стоим две минуты».

– Черт! – вскочил Деснин. – Это ж моя станция – тут до Васильково рукой подать.

Глаза попутчика вновь странно блеснули.

– Хм, удачи, – попрощался он, и уже вдогонку Деснину произнес, – Способность к вере – это в наше время уже не так мало. До встречи.

Но последних слов Деснин не расслышал.

Глава VI. ДЫРА

От райцентра, небольшого городка, где сошел Деснин, Васильково располагалось совсем рядом. Нужно было только пересечь поле и кладбище.

День был в самом разгаре. Вовсю палило летнее солнце, в траве без умолку трещали кузнечики. Вскоре Деснина начала мучить жажда. По лбу стекали ручейки пота. Семь лет назад путь казался гораздо короче. Но вот поле кончилось, началось кладбище, которое со дня его последнего визита в эти края заметно разрослось. Если раньше между церковным погостом и городским кладбищем было приличное расстояние, то теперь они слились друг с другом, и пристанище мертвых вытянулось, таким образом, в длину километра на полтора. Ясное лазурное небо никак не вписывалось в кладбищенский пейзаж. Впрочем, Деснин и не смотрел по сторонам. Он не упускал из виду церковные купола, сверкавшие впереди, среди деревьев. С колокольни доносился благовест, и это еще более умиротворяло душу. Деснин прибавил шаг.

Семь лет он готовился к этой встрече. Семь лет представлял себе тот день, когда зайдет к Никодиму в ветхую избушку, падет пред ним на колени и скажет... Что, собственно, он скажет, Деснин так до сих пор и не придумал. Но он точно знал, что должен зайти к Никодиму, должен повидаться с ним.

Деснин расстегнул ворот рубахи, зацепив рукой веревочку, на которой висел крестик. Теперь этот крестик выбился поверх рубахи.

Вот уж и церковь. В отличие от столичного храма, сельский не выглядел столь сурово, да и размерами был гораздо меньше. В старину храмы строили так, чтобы они хоть и возвышались над деревянными домами, но не было в этом возвышении чего-то вызывающего. Храм воспринимался как конный витязь среди пешех дружинников и невольно напоминал, что каждый христианин – воин духа. От этого церковь была ближе и понятней, не так угнетала, как городские громадины.

«Уж здесь-то я свой, – думал Деснин, любуясь изяществом этой небольшой церкви. – Отсюда меня не попросят». Теперь только обогнуть ее, и за ней будет та самая избушка. Деснин обогнул церковь и...

На месте избушки была лишь куча черных углей да пара обгорелых бревен. На этом фоне смутно белела кафелем обнаженная печь. Деснин чуть не присел от изумления. В горле, и до того томимом жаждой, окончательно пересохло.

Деснин обернулся. Церковные ворота были открытыми. Было слышно, что там идет служба. Не чувствуя под собой ног, он направился туда. В нем еще теплилась надежда увидеть Никодима, хотя дурные предчувствия просто переполняли. Народу в церкви было немного. Священник, который вел службу, стоял в это время спиной ко входу.

«Со спины вроде похож, – неслись в голове Деснина мысли. – Но со спины все попы одинаковы. Да и по голосу, когда читают, их не различишь – все на один лад бубнят».

В этот момент священник обернулся. Деснин аж отпрянул. Не от испуга. Ничего такого страшного в облике обернувшегося не было. Просто его поразил контраст между тем, что он хотел видеть и тем, что увидел. Зато священник, в свою очередь увидев Деснина, отпрянул именно от испуга – столь ужасно было перекошенное лицо вошедшего в церковь. Но через мгновение священник отошел от увиденного и продолжил службу. Отсутствующим взглядом Деснин наблюдал за ним.

Служба велась несколько оригинальным способом. Батюшка то и дело бесцеремонно облизывал губы, словно только что плотно пообедал. Вполне вероятно, так оно и было: в тощей рыжеватой бородачке его наблюдались хлебные крошки. Переворачивая страницы Евангелия, батюшка громко, на всю церковь, плевал себе на пальцы и столь же громко зевал, во всю рас-

крывая рот. Было что-то отгалкивающие во всем его облике, особенно бросалась в глаза противная лиловая родинка у самой пазухи носа. Батюшка вообще как-то не вписывался в церковный догмат, который гласит: «Образ священника – это иконографический образ Спасителя, символ Его присутствия на земле».

В этот момент прямо к церковному крыльцу – теперь это можно было сделать, так как обгоревший заборчик разобрали – подкатила BMWуха, водитель которой принялся настырно сигнальничать. Батюшка делал вид, что не слышит. Тогда из машины вышли двое с тугими загривками и, войдя в притвор, стали показывать батюшке знаками, чтобы тот вышел.

– Отойдите, рабы Божии, – грозно полупропел священник. На что один из звавших, не выдержав, прокричал:

– Ну ты, козел бородатый, хватит фигней страдать. Пошли бухать, да и тема есть.

– Через полчаса сам приеду, – отозвался батюшка.

– Ты че, какие полчаса?

В зале послышалось недовольное роптанье.

– Алло, гараж! – заметив это, обратился к прихожанам батюшка. – А ну потише базар! Вы чего сюда, молиться пришли или болтать?

Тут взгляд батюшки упал на Деснина.

– А ты на меня чего так вылупился? А ну иди, гуляй отседа! Иди, иди.

Деснин, сам не свой, неуверенной походкой вышел на улицу и вновь замер при виде пепелища.

По дороге шел бородатый мужичок с коромыслом на плече. Оттого, что он слегка пошатывался, вода из полных ведер то и дело плескалась на землю. Мужичок этот был местный пономарь. Носил небольшую, совсем седую, бородку, в которой обычно торчала всякая дрянь. На голове – почти совершенно седые, постоянно взъерошенные волосы. Лукавый прищур глаз и вообще манера покобениваться как лицом, так и всем телом. Он долго не мог усидеть на одном месте и в одной позе. Так же и мысли его постоянно скакали с одного на другое, хотя и в русле одной общей идеи. Скипидарыч (прозвище это появилось потому, что выпил он однажды с похмелья стакан скипидара и при этом остался жив. Врал, наверное, он вообще слыл как местный сказочник) был типичный философ-самоучка, наглотававшийся по молодости безо всякой системы всевозможных философских трактатов, зачастую совершенно противоположных по общим выводам. От такой бессистемности подобные, совсем не глупые люди, можно даже сказать самородки, приходят к выводу об абсурдности мира и, как правило, потихоньку спиваются. Много их еще по Руси, таких самопальных философов. Ищут они правду. И не находят.

Заметив застывшего словно истукан Деснина, Скипидарыч остановился и принялся бесцеремонно рассматривать того. Наконец Деснин почувствовал на себе этот взгляд и повернул голову.

– Ба, раб Божий Николай! – воскликнул Скипидарыч, признав Деснина. – А я все гадаю: ты, не ты? Живой, едрень фень! А я уж думал: сгинул где.

Речь мужичка показалась Деснину знакомой, особенно этот самый «едрень фень», но он никак не мог вспомнить, кто перед ним.

– Скипидарыч, – сам подсказал тот, протягивая руку.

Только сейчас Деснин признал в этом пропитом мужичке дьячка, что служил в церкви при Никодиме. Механически пожимая протянутую руку, он хотел что-то сказать, но во рту так пересохло, что получился лишь какой-то хрип.

– Э-э, браток, – протянул Скипидарыч, подводя Деснину ведро – Видать, тебе совсем худо. На-ко, попей водички-то.

Тот наклонил побитое ведро и принялся жадно пить ледяную воду. Шок от увиденного несколько отступил, и тут только Деснин учуял донельзя противный запах перегара, которым разило от Скипидарыча.

– Все пьешь? – спросил Деснин первое, что пришло в голову.

– Так вся деревня, читай, спилась, вот и я за ней, последние мозги пропиваю. Без мозгов оно легче. Многие знания – большие печали, – проговорил Скипидарыч в свойственной ему афористичной манере.

– А ты все такой же философ, – вновь брякнул Деснин совершенно не то.

– Уж какой есть. Философ, понимаешь, это диагноз. Да не обо мне речь... Эх! Совсем житья не стало. То ли дело при Никодиме было. Он меня понимал...

– А где он? – полушепотом спросил Деснин.

– Нету Никодима – сгорел. Не видишь, что ли – пожар был.

– Как «сгорел»?

– Так и сгорел – заживо. Вместе с домом.

– Что?! Врешь! – Деснин схватил Скипидарыча за ворот и на мгновение приподнял над землей. Коромысло с ведрами полетело вниз, вода расплескалась по пыльной дороге. Тут ворот ветхого пиджачка оторвался, и мужичок вновь встал на ноги.

– А чего мне врать? – казалось, его нисколько не волнует оторванный ворот и пролившая вода. – Сгорел Никодим, – в глазах Скипидарыча вдруг появилась какая-то запредельная грусть. – Сгорел! – вдруг грусть в его глазах сменилась злобой, будто Деснин был в этом виноват.

– И никакого житья, – продолжал Скипидарыч, поднимая ведра. – Смерть, Коля, это не трагедия. Трагедия – это жизнь. Э, да не о том я... Нет Никодима-то! – почти всхлипнул Скипидарыч. Казалось, лишь только сейчас он осознал в полной мере этот печальный факт.

Деснин молчал. В связи с известием о смерти Никодима какая-то пустота навалилась на него. Пустота. Словно вырвали что-то из него, и теперь, на месте этого «чего-то», зияла своей пустотой дыра. И не просто зияла – она требовала, требовала заполнить себя. Словно в воронку урагана засасывало в ту дыру все чаяния и надежды, все то, чем жил Деснин последние семь лет. Все рушилось.

Скипидарыч, казалось, прекрасно понимал состояние собеседника.

– Это... Коля, – робко дернул он Деснина за рукав, – Идем-ка, идем со мной. Вона тебя как перекосило. Тута тебе вода не поможет. Тута надо чего покрепче. Это уж я по себе знаю – до сих пор из запоя выйти не могу.

Но Деснин, отдернув руку, достал пачку сигарет, закурил и присел по-зэковски на корточки, все так же неподвижно глядя на пепелище. В голове его стоял туман, сквозь который неясно пробивалась болтовня Скипидарыча, присевшего рядом.

– Давно тебя, Коля, не было. Значит, послушал Никодима – сел, сам сел. Да, принял муку. А, коли к Никодиму ехал, не сломалась в тебе вера. А тут такое, едрень фень. У меня и самого словно стержень какой вынули – вот и развилась острая алкогольная недостаточность.

Тем временем служба кончилась. К церковному крыльцу подкатил ярко красный «Опель», в который, снимая на ходу рясу, влез священник.

– Во, видал, – тут же прокомментировал данное событие Скипидарыч, – Наш Пафнутий службу отслужил – теперь прямо в райцентр, к «братве» в кабак оттянуться поехал.

Деснин не слушал болтовню Скипидарыча и лишь смотрел невидящим взором туда, куда тот указывал.

– Эх, Коля, худо тебе, видать, совсем. Пойдем ко мне, что ль?

– Водки, – наконец выдал из себя Деснин.

– А, понял. Нам по пути – зайдем.

Деснин поднялся и неровной походкой отправился туда, куда увлекал его Скипидарыч.

Пил он много и не закусывая. Но водка не действовала. Она наполняла лишь желудок, но не могла заполнить той страшной пустоты, что была внутри. Деснин с трудом понимал где он. Смутно помнил лишь, как Скипидарыч, прихватив три бутылки водки, привел его в какую-

то избу и усадил за стол. Уже заметно стемнело. Вдруг в окно ударил свет фар, и тени от рам побежали по стенам. Скипидарыч высунулся в окно.

– О, вот и наш батюшка явился, едрень фень. У, да с ним еще две бабы в придачу. Вот так вот – утром детей крестит, а вечером в кабине с девицами «причащается». И куда ж это его возили? Должно быть, бордель какой освящать, а баб, видать, бартером получил. А че, очень удобно. Вот он новый кабак в райцентре, который из библиотеки переделали, недавно освятил – теперь бесплатно туда бухать ездит каждый день. У, змей, а еще иеромонах называется. Эх, Коля, здесь такие дела... Вот завтра в себя придешь, расскажу – не поверишь. А помнишь, когда ты у Никодима был...

Скипидарыч не договорил, так как Деснин, при упоминании имени Никодима, перевел на него осоловелый, полубезумный взгляд.

– Ладно, темнить не буду, – совершенно серьезным тоном заговорил Скипидарыч. – Тебя сейчас только Никодим и интересует, знаю. Так вот, Коля, держись: чую я – неспроста этот пожар был.

Взгляд Деснина стал совсем страшен. Заиграли желваки, шрам на щеке как-то совсем посерел. Скипидарыч понимал, что еще немного – и перегнет палку, но, тем не менее, продолжал говорить:

– Неспроста, ох неспроста... Убили Никодима! – наконец, выпалил он то, что давно вертелось на языке.

Душа разгерметизировалась. Злой мир подло, исподтишка саданул Деснина в самое сердце. Непроницаемый кокон, который в течение этих семи лет вил Деснин вокруг души своей, лопнул. Зло мира со страшной и неумолимой силой врвалось в нее и разрывало изнутри. Зло, к которому, чтобы избежать отравления, словно к яду надо привыкать долго и постепенно, наполняло и отравляло нетренированную душу. Деснин просто захлебывался злом.

«Почему так?! Что же это за мир такой, в котором самого лучшего человека убивают?! – вихрем неслись в голове мысли, – Стало быть, нет на земле больше правды, совсем нет?!»

«Я смирился, я всем простил! – доносился откуда-то другой голос, – Зло в мире неизбежно и надо принять мир таким, каков он есть. Надо простить».

«Простить – значит забыть. Значит предать».

«Чтобы не потерять веру в этом мире, она должна быть отвлеченна. Нельзя связывать веру с конкретным человеком».

«Но как его забыть, как отвлечься? Ведь убит он, убит!»

«Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием, даже до желания отмщения злодеям, то более всего страшись сего чувства. Прими муки и поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый безгрешный и не светил, а сам впал в грех, сам стал злодеем».

«Все это слова, а вот факт: Никодим мертв!»

– О-о-о!!! – взревел Деснин, схватившись обеими руками за голову. В следующий момент он вскочил на ноги, переворачивая стол со всем, что на том стояло. В глазах его помутнело и кругом пошла голова. Еще мгновение он стоял, шатаясь не от огромной дозы алкоголя, а от крупной дрожи, что пробивала все его тело, затем рухнул навзничь.

Глава VII. ИСКУСИТЕЛЬ

Деснин с трудом разлепил веки. Перед ним на корточках сидел Скипидарыч.

– Ну и тяжел же ты, едрень фень, – произнес тот, заметив, что гость приходит в себя. – Еле допер тебя вчера до кровати. Скорую даже пришлось вызывать. Всю ночь зубами скрипел. Удар тебя хватил, сказали. Мол, пить надо меньше в такую жару. Да я, думаю, не в питье здесь дело-то. Материалисты хреновы, едрень фень! Тут у человека душа кровью бродит – а они все в алкоголь переводят.

Деснин с усилием разодрал слепленные губы, хотел что-то сказать, но у него ничего не вышло. Скипидарыч подал ему ковшик с водой. Деснин машинально сделал несколько судорожных глотков. Сознание медленно вползало в мозг, захватывая все новые и новые территории. Он с трудом вспоминал, где он и что с ним, и кто этот неумолкающий мужичок.

– С армии у меня еще это, – наконец проговорил Деснин, – Раньше зарубало время от времени, а теперь очень сильно надо постараться, чтобы у меня перемкнуло.

Он поморщился, приложив руку к голове, затем попросил:

– Закурить дай.

Скипидарыч протянул пачку «Примы». Деснин с трудом присел на кровати, закурил.

– О, моя любимая! – встрепенулся Скипидарыч, услышав едва различимую сквозь помехи мелодию, которая доносилась из добитого приемника. Он схватил аппарат и пару раз шмякнул им об стол. Что-то хрустнуло, и из динамика захрипел Высоцкий:

*...А в ответ мне: «Видать, был ты долго в пути —
И людей позабыл, — мы давно так живем!
Траву кушаем, век — на щавели,
Скисли душами, опрыщавели,
Да еще вином много тешились, —
Разоряли дом, дрались, вешались».
«Я коней заморил, от волков ускакал.
Укажите мне край, где светло от лампад,
Укажите мне место, какое искал, —
Где...*

Высоцкий запнулся на полуслове. Скипидарыч пару раз треснул по приемнику, но тщетно.

– Тьфу ты, едрень фень! Ну и ладно, – оставил он приемник в покое. – Слышал, Коля? Прямо как про тебя песня-то. Ой, Коля, отстал ты от жизни, не знаешь, что у нас здесь творится. Черти что творится. Ты хоть знаешь, что произошло, пока ты, так сказать, отсутствовал?

– Ну, слышал, демократия победила, коммунизм рухнул, реформы всякие и... – вяло пробормотал Деснин. Ему было совсем не до этого.

– Во-во-во, – перебил его Скипидарыч, – реформы. Только улицы переименовали, да памятники поносили – вот и все реформы. А еще демократия эта, «глас народа»... Между прочим, глас народа и Христа распял – поговорка такая есть. Да ладно, хрен с ним, с демократией. Кабы одна эта напасть – мы бы с нею справились. Так у нас, Коля, тепереча капитализм – сечешь, в чем дело-то? Эта самая демократия с капитализмом – не разлей вода. Да еще либерализм чертов – сиречь вседозволенность по Достоевскому, а по-нынешнему – беспредел. Эта напасть похуже будет коммунизма с фашизмом, едрень фень. Как кто-то сказал: «Во всяком цивилизованном государстве богатство священо; в демократических государствах священо только оно». А богатство-то все это от дьявола. Прально говорят: богатому черти деньги куют.

Ох, золото, золото! Сколь из-за тебя зло-то! Но ничего, скоро Бог покарает богатых за то, что они заняли место Бога!

С каждым словом Скипидарыч распался все больше и больше. Видно было, что он наконец-то нашел слушателя и желал высказать все накопившееся во что бы то ни стало, тем более знал, что собеседник у него молчаливый и вряд ли перебьет:

– Доллар – вот духовная сущность всего нынешнего общества. Всюду деньги, накопительство, торгашество. Над всем теперь один знак, – Скипидарыч нарисовал в воздухе латинскую «S», – над законами, политикой, совестью. И у всех одна цель – как бы друг друга наколоть. Человек человеку волк. Думай о себе, о других забудь – вот девиз, едрень фень. Какая уж тут братская любовь. Христос со своей проповедью не вписывается в нынешнее время, потому что «капиталистическая система есть самая антихристианская». Не мною сказано, но сечешь, Коля, сечешь, в чем дело-то? Антихристианская. Вот где корень зла. Апокалипсис идет всюду! И имя антихриста – Капитал. Почти все народы уже поклонились ему, как и было обещано: «И поклонятся ему все живущие на земле, чьи имена не написаны в книге жизни». Капитал скупает души в обмен на материальные блага. Все продались Капиталу, едрень фень! Все, все! Дьявол, пойми, Коля, не есть что-то эфемерное и абстрактное. Он совершенно реален и неутомимо действует среди нас. А имя ему – Капитал. Ты знаешь символ мамоны какой? 666 – сумма налога евреев с покоренных народов, при Соломоне еще. Так что число Зверя – это число мамоны, капитала, а значит он и есть Зверь. Вот так-то. К чему я все это? Да к тому, что где деньги – веры нет. «Никто не будет чувствовать уважения к седине старца, а красоту юношескую никто не будет жалеть. Это проклятое время настоятельно требует суда Божия»...

– Ладно, хватит мозги полоскать. К чему все это? – оборвал речь Скипидарыча Деснин и попытался встать. Но вдруг все поплыло перед глазами. Повсюду мелькали разноцветные пятна, кружочки, черточки, загогулины. Голова раскалывалась. Деснин обхватил ее руками и, скорчившись, бухнулся на кровать. Скипидарыч замолк и пододвинул к кровати табуретку, на которой стояло ведро холодной воды.

– Окуни голову-то – полегчает.

Деснин привстал и сунул голову в ведро. Холод смягчил боль и изгнал остатки похмелья.

– Ну как – полегчало? – спросил Скипидарыч.

– Да полегчало, полегчало, – вяло пробормотал Деснин. Он уже и не рад был тому, что окончательно протрезвел. Дыра. Та невыносимая душевная пустота, что навалилась на него вчера в связи с известием о смерти Никодима, вновь давала себя знать.

«Ну скажи же еще хоть чего-нибудь!» – мысленно умолял Скипидарыча Деснин. Вся эта болтовня как-то смягчала, заглушала требование Дыры, появившейся вчера. Деснин хотел, хотя бы на мгновение, отодвинуть тот момент, когда Дыра заявит о себе в полную силу. Но Скипидарыч как назло молчал, уставившись невидящим взглядом в красный угол. В тишине ходики с кривым маятником тюкали словно по темечку, отчего голова совершенно раскалывалась. А Дыра все явственнее зияла своей пустотой и уже с прежней силой требовала заполнить себя. Деснин с трудом подавлял этот странный зов.

– Вижу, не веришь мне, думаешь, я совсем с ума спятил, – наконец заговорил Скипидарыч.

– Да почему же? Просто... Не укладывается у меня все это в голове как-то, – Деснин и вправду на большую голову мало что разобрал из тирады Скипидарыча, но старался поддерживать разговор, чтобы тот снова не умолк. – Чувствую, вроде как правду говоришь, но...

– Знаю, знаю – Никодиму противоречу, да? С его проповедью всепрощения и смирения. Но, пойми ты, Коля, время пришло, едрень фень. Бог был милостив, пока он был Бог-Спаситель. Сейчас же наступают времена, когда Бог становится Судьей. Не мир, но меч несет теперь он. Прямо так и сказал: «Я пришел дать не мир на земле, а напротив – разделение. Огонь Я

пришел обрушить на землю, и как Я хочу, чтобы он уже разгорелся! И кто не берет свой крест и не следует за Мной, не достоин Меня. Кто не со Мной, тот против Меня».

– Никодим это по-другому разъяснял, – возразил Деснин.

– Да, но только его слова были для другого времени, а сейчас все не так, все изменилось. Я ж говорю – капитализм. А поскольку капиталистическая система есть самая антихристианская, то и нормы христианской морали при ней не действуют. Христос жалел людей, но бесов не щадил.

– Но почему же? Когда все переменялось? В тюрьму уходил – все было...

– Я же говорю: время пришло. Еще Феофан Затворник говорил: когда всюду будет введено самоуправство – республики, демократия – тогда и антихристу откроется простор для действия. И Достоевский тоже: «Если Россия, последний оплот на пути господства сатаны, исчезнет, то и Антихристу путь открыт. А ведь от нас должны выйти Энох и Илия, чтобы сразиться с антихристом, то есть духом Запада». Но Россия гибнет, Россия исчезает. О, что эти сволочи со страной делают! Измываются как! Точно бесы, едрень фень! А они и есть бесы, черти полосатые. Грабят. Да ладно бы грабили, так ведь еще и гробят. И народ, те самые будущие поколения, ради которых... Народ унижен и растоптан, в вечном пьяном угаре. А кто не в угаре, те на деньгах помешались... Враги народа, душегубцы! Знай только нефть качают. Сырьевой придаток, банановая республика, едрень фень! Включишь ящик – так там вечный праздник. Трындят о повышении нашего благосостояния, а мы мрем как мухи. Скоро последних русских будут возить в клетках напоказ, как раньше диких зверей. У тебя, знаю, Коля, сердце кровью обливается от известия, что Никодима нет. Словно... словно душу тебе отсекли. А у меня сердце кровью обливается оттого, что у всей Руси душа отсечена. Больно, Коля, мне, ой как больно. А ты все о смирении никодимовом вспоминаешь. Капитализм, Коля, это тебе не рынок там какой-то с демократией; капитализм – это и есть царствие Антихриста! Миром правит сатана, так-то вот! А коли так, то мир этот и есть ад. Стало быть, все Христовы заповеди в этом мире уже не действуют. Так о каком же смирении может идти речь?

Деснин не знал, что и сказать на такое. «Это как же так, – неслись в голове мысли, – вместо того, чтоб утешить, смирить, этот мужичок напротив – распаляет, гневит сердце. Зачем же это он со мной так?! Не выдержу я! Ох, мне бы простить, как Никодим учил. Зачем я этого-то слушаю? Простить – и забыть. Забыть! Забыть! Забыть!»

Скипидарыч все это время напряженно наблюдал за Десниным, словно стараясь проникнуть в его мысли. Лицо его становилось все мрачнее и мрачнее. Но вдруг какая-то искорка мелькнула в его глазах, и он быстро-быстро, словно боясь опоздать, заговорил:

– Знаешь, я несколько не удивлен, что смерть Никодима на тебя так подействовала. Умел он к людям подойти, да так, что на всю жизнь запоминался. Каждого, как сказано, «к новой жизни воскресить» мог. Но особо любил, как он говорил, «заблудших овец», ибо вера у них крепче. И притча у него была любимая о блудном сыне. Так что знай, ты не один такой, кого он, не знаю как это сказать, перевоспитал, что ли. Много таких было за всю его жизнь-то. Вот, кабы их собрать всех вместе, то тогда... Письма все писали. Благодарили. У меня как раз последнее осталось. Не успел я его Никодиму передать. Так и лежит. На нем и адрес обратный есть. С самой Москвы. Андрей какой-то. Пишет, сам бы приехать рад, да не может – бизнес у него теперь крупный, вертится. Поспать даже некогда. Но денег отвалить обещает на богоугодное дело. Ты возьми письмо. Может, пригодится. Потому что... Спалили Никодима-то! – вдруг выпалил Скипидарыч в самое ухо Деснину.

Деснин даже не шелохнулся.

– И кому это только старик помешал, а? У кого рука поднялась, кто вообще смог такое. Явно нелюдь, едрень фень, – начал причитать Скипидарыч, но Деснин уже не слушал его. Дыра. Она медленно чем-то заполнялась, и это «что-то» вытесняло пустоту. «Что это? Что? – не мог понять Деснин. «Мечь» – вдруг блеснуло в его сознании. В голове словно откуда-то издалека

послышался странный рев. Он все приближался и нарастал. Наконец, достигнув наивысшей силы, рев резко смолкнул. И не было больше никаких сомнений. Все вдруг встало на свои места, улеглось.

– Кто?! – скрипнул Деснин зубами, сверля Скипидарыча глазами. – Кто его...

– Идем, идем, – потянул Скипидарыч Деснина за рукав, словно только и ждал вопроса. – Ты ходить-то можешь? Щас тебе кое-что покажу.

На этот раз Деснину удалось встать на ноги. И хоть перед глазами по-прежнему все плыло, он направился вслед за Скипидарычем.

Глава VIII. УЛИКИ

Едва вышли на крыльцо, Деснин застыл в изумлении – кругом были могилы.

– Это что – кладбище?

– Ну да, погост, он самый. Мы вчера затемно пришли, вот ты и не видел, – невозмутимо отвечал Скипидарыч. – Меня ж только Никодим за дьячка держал, а Пафнутий, едрень фень, разжаловал. Нет, говорит, у тебя корочек. Теперь я только пономарь, да так, на побегушках. Вот еще кладбище охраняю – вон оно, как на дрожжах растет. Раньше еще церковь охранял, но он у меня, змей, ключ отобрал, сигнализацию провел. А чего там охранять-то? Новоделы одни, а лампы, подсвечники, оклады и посуду Пафнутий на посеребрянное заменил.

Деснин представил, как Скипидарыч остается ночью среди могильных крестов. Стало как-то не по себе.

– Живя на кладбище, хошь не хошь философом станешь, – словно читал его мысли Скипидарыч, – обстановка располагает. Вот он, монстр, пожирающий человек. Помнишь, лозунг был к двухтысячному году обеспечить всех отдельным жильем? Вот – претворяют в жизнь, едрень фень! Многие уже получили прописку. Кладбищенскую. Каждому отдельную благоустроенную могилу – два на два метра, прально, Бобик, – потрепал Скипидарыч по голове вылезшего из будки подслеповатого от старости цепного пса. – Ну, идем, Коля.

– Да, я тут многих знал, – тыкал пальцем Скипидарыч в надгробия, мимо которых вел Деснина. – Вон тот отравился, а этого зарезали. Того забили до смерти. Этот удавился. Тот просто допился. Ту вон муж топором порубал, этого собутыльник зарезал. Эту пьяный тракторист переехал. Этот сам себе глотку косою перерезал. А, чего говорить – вся страна один большой погост. Кладбища растут с такой скоростью, как когда-то города. Кое-где кладбищенское «население» уже городское превышает. Вот они, жертвы демократии – все здесь, едрень фень!

Тем временем путники вышли на единственную деревенскую улицу. «Па-ап-берегись!» – раздавалось где-то сбоку, и на дорогу, ломая кусты, выкатило бревно. Из-за помятых зарослей выглядывала изба без крыши. На ее срубе всю кипела работа: пятеро местных мужиков раскатывали на бревна совсем еще нестарый дом. На подмогу к ним спешил шестой.

– Здоров, Скипидарыч, – дернул он за руку спутника Деснина. – Дай папироску, у тебя трусы в полоску.

Скипидарыч протянул ему «Приму» и, кивнув на дом, вздохнул:

– Все курочите...

– А, все равно лет через пять тут вообще никого не останется. Не будет Васильково, – пробормотал мужик, прикуривая. – А кому до нас какое дело? Не нужны мы, видать, России совсем. Вот выйдем завтра все в одночасье – никто и не заметит.

– Да, у нас человек вообще не нужен. Такая государственная ненужность, – говорил Скипидарыч, продолжая путь. – Раньше государство хоть как-то заботилось о людях, а при демократии – живи как хочешь, дела никому нет, едрень фень. Вот и вымираем. А как хозяин помрет – век избы недолог: вон на бревна раскатают, или на кирпичи разберут. Так всю деревню и раскурочат. Благо, что город рядом – туда многие прут. А ведь в других деревнях едва треть дворов осталась, да и там живут одни старики, детей почти нет. Работы тоже нет, пьянство одно да безнадега.

Посреди одного огорода торчала огромных размеров телетарелка.

– А коттедж где? – вяло удивился Деснин.

– А вона, – указал Скипидарыч на покосившуюся избу.

– Это этот сарай?

– А чего поделаешь? Димка совсем на ящике помешался. Вот тарелку купил, смотрит целые сутки, а дом поправить некогда. Еще бы – полтыщи каналов.

– И куда ему столько?

– Ха, еще не хватает – с женой ругаются: та на сериалы всякие подседа. Вон – весь огород запустила. А другим и одного канала хватает: ровно в семь все к экранам примыкают, точно свиньи к корытам с помоями. Сериалы там, да прочая дрянь, тьфу! Кто бухает, а кто в ящик пялится, так и живем, едрень фень.

Уже на околице деревни к спутникам подбежала девчушка лет девяти с лукошком, полным ароматной лесной земляники:

– Дядь, купи ягоду, – дернула она за рукав Деснина.

– Да куда мне столько-то?

– Вишь, тебя сразу приметили – городской, – вмешался Скипидарыч, – Возьми, Коль, возьми ягоду. Дешево совсем. Они ж ведь, детишки-то, так себе на одежку какую зарабатывают – холодно зимою-то. Все лето вместо каникул так и рыщут по лесу с утра до ночи, то ягодки, то грибочки. На родителей-то надежды нет.

Деснин полез в карман и протянул девчушке смятую купюру.

– Ты денежку-то спрячь, а то папка с мамкой найдут – пропьют, – посоветовал ягоднице Скипидарыч.

– Знаю, – делово ответила та. – А куда ж пересыпать-то?

Деснин подцепил из лукошка пригоршню ягод.

– Остальное себе оставь.

– Во, правильно, – одобрил Скипидарыч. – Тут знаешь, перекупщики городские что удумали: деньгами-то не расплачиваются ни за ягоды, ни за мясо – денатурат привозят, да еще с «Машенькой», знаешь, средство для травли тараканов такое, чтобы с ног совсем валило. Конкуренция нашим самогонщикам, но они все одно пашут круглосуточно. Вон, через избу точка, куда ни плюнь. Раньше б посадили всех, а теперь можно. Демократия, едрень фень, свобода предпринимательства! Но идем, идем.

– Слышь, Скипидарыч, ты меня куда тащишь-то? – поинтересовался Деснин, когда спутники вышли за пределы деревни.

– Идем, идем. Сам все увидишь.

Чем дальше они отдалялись от деревни, тем больше окружающий ландшафт терял признаки человеческого вмешательства, от чего становился угрюмей и мрачней. Путники шли по давно непаханому полю, невдалеке виднелись полуразрушенные остовы двух бывших ферм. Над разборкой одной из них трудились трое парней, вооруженные ломом и кувалдой.

– И здесь все курочат, – бросил Деснин.

– А на пропой, – тут же отозвался Скипидарыч. – Пьют поголовно, целыми семьями. Те, кто не гонят самогон сами, сначала воровали на бухло в совхозе, а теперь, когда он совсем сдох, фермы и прочие сооружения на кирпичи разбирают и меняют их на спирт у городских перекупщиков, едрень фень. Эти дельцы быстро объяснили, что проще разобрать трактор на металлолом или ферму на кирпичи и сдать все им это за бутылку, чем горбатиться с весны до осени. Вот и вкалывают мужички. Фермы – это еще ерунда. Вон по стране заводы целые курочат. Вот это да, приватизация, едрень фень. А, – махнул он рукой, – ломать – не строить. Все рухнуло. А ведь раньше при каждой деревне держали большую ферму – без работы никто не сидел. Построили клуб, школу, медпункт, магазины... Чего теперь поминать-то... Тут у нас, помню, случай был. Даже в газете писали. Когда вырезали всех коров – просто кормить было нечем – на все хозяйство остался только один очень дорогой бык-производитель. Его забивать не решились. Однако вскоре у бедного быка от бездеятельности, недокорма и обезвоживания ссохлось все «хозяйство». Только тогда, видя, что животное и так на грани издыхания, закололи и его. Так было покончено с животноводством, едрень фень... Ну вот и пришли.

Путники остановились у груды металлолома из ржавых кабин комбайнов, сеялок, теребилок и прочих агрегатов, сваленной перед полуразрушенным ангаром.

– Идем, – вступил Скипидарыч на бетонный пол ангара. – Видишь след от протекторов?
– Где? – Деснин, вошедший за Скипидарычем в ангар, не мог ничего рассмотреть.
– Ну вот же, раньше он четче был. Откуда он идет? От того костра на краю ангара. Там обычно пацаны изоляцию с кабеля жгут.
– Зачем? – снова не понял Деснин.
– Так принимают только чистый алюминий. Все вилки, ложки да кастрюли уже пославали – теперь вот провода режут. Подождут – и капают изоляцией в одно место. Целую лужу уже накапали – она даже застывать не успевает. Если он в нее въехал, значит не знал. Да и потом, местные-то сюда и на танке не поедут. Знают, что сами все торцы уже на кирпич разобрали – непонятно как крыша держится.
– Да погоди ты. Кто «он»?
– Как кто? Киллер, едрень фень. Не ехать же ему на машине прямо в деревню – вот он ее здесь и оставил. Вот прям здесь, – Скипидарыч присел на корточки у едва различимых следов. – Глянь, чьи протекторы?
– Иномарка вроде, – приглядевшись сказал Деснин.
– Во, а у нас во всей деревне одна только – у Пафнутия. Да еще у корешей евонных, тех, что к церкви подъезжали. Но я сравнивал – не подходят. Когда Пафнутий на этой тачке в первый раз прикатил, у нас вся деревня высыпала поглазеть – только по ящику такие и видели. Разве что по частям не разобрали, в общем, знают его тачку как свою. А значит здесь стояла чужая тачка.
– Железно, – усмехнулся Деснин. – И это все, что ты хотел показать?
– Не, не все, – Скипидарыч торжественно извлек из кармана некий предмет, в котором разве что по колесу можно было признать бензиновую зажигалку. – На пепелище нашел.
– И что?
– А то, что Никодим сроду не курил.
– Ну, мало ли, это еще не улики, да и какой дурак будет их оставлять?
– Вот и в ментовке мне то же самое сказали, едрень фень. Но все равно – хоть что-то. Тачка стояла? Стояла. Зажигалка была? Была. Тут и без дедукции ясно – поджог.
– Ну ты прям Шерлок Холмс какой.
– Не смейся, – обиделся Скипидарыч. – Я, между прочим, лет 20 назад дело раскрыл. Мне менты даже благодарность выписали.
– Да ну, – равнодушно произнес Деснин, что явно задело Скипидарыча.
– Вот те и да ну. Взяли с церкви тогда Николу угодника.
– Хм, губа не дура, – усмехнулся Деснин, вспоминая свое покушение на эту икону.
– Во-во, – согласился Скипидарыч. – Ну милиция сразу лапки кверху, мол профи работал, улики нет. Насчет профессионализма – это да. Знали, что Никодим как раз ушел в дальнюю деревню соборовать кого-то, да там и заночевал. К тому ж отключили электричество и телефон перерезали. Я как сердцем чуял, вот и пошел глянуть на церковь. А темнота, не видно ни зги, только слышно как решетку пилят. Я встрял было, да только слышу, как один другому говорит: «Замочи, мол, этого». Кто их знает, могут и грохнуть. Ну я и сбежал, потому как не пил тогда. А пьяный я бы показал им еще. Ну пока до города добежал, пока ментов нашел – смылись воры.
Но выяснилось еще кое-что. Сняв иконы, воры эти святотатствовать не закончили. То ли приспичило уж так сильно, то ли съел чего накануне, а может и специально. Короче, наложил один из них прямо посреди церкви кучу. Менты долго бродили вокруг эдакого вешдока, не зная как к нему подступиться. С одной стороны, вроде как улика, а с другой – дерьмо дерьмом. Что с ним делать – не брать же тест на ДНК, да и не было тогда такого. Ну наши деревенские тут же заявили, что никто, кроме заезжего святотатца такого наворотить не смог бы. Наверняка та же бригада работала, что и месяц назад в райцентре. Только тогда обнаглевшие воры оставили

на алтаре пустую бутылку портвейна, ну точно издевались. Они в тот год вообще много церковью обчистили.

Помню, покойный Ксенофонтыч приезжал – хороший следователь был, старой закалки, и все ворчал: «Ну никакой зацепки, все чисто. Ни следов, ни пальцев – в перчатках работают, хм. Насмотрелись, сволочи, видаков – все по всем правилам делают, комар носа не подточит, все замели. Профи, мать их за ногу. То ли дело раньше. Нет, не тот уголовник пошел, с закавыкой».

Ну побродил-побродил, в церкву зашел, перед Христом на распятии встал и говорит: «До чего дошли – в церкви гадят. Экую кучу наворотили, гады. Издеваются, а ты, ты все прощаешь. Тебя в левый глаз бьют, а ты правый подставляешь. Не, устарели твои понятия, перестраиваться пора, иначе не выживешь. Один раз воскрес, так заново распнут. Такие уж у нас времена, товарищ Бог, перестройка, мать ее!»

Так и уехали ни с чем. Сказали до утра ничего не трогать. А я-то думаю: Никодим вернется, как увидит что посреди церкви лежит... Взял лопату, хотел все это дело выкинуть. Тоже к Христу подхожу и говорю: «И что же это Ты позволяешь так себя грабить? Вот сволочь! Он же ведь непорочно в церкви нагадил – он в душу Тебе нагадил! Он ведь не только над Тобой, но и над нами изгаляется. Если уж себе помочь не можешь, так хоть нам помоги, успокой душу!»

Ну и пошел к куче, а темно. Так и вляпался. Вот сволочи, думаю, еще подтиркой прикрыли... И тут вспомнил я как менты ругались, что отпечатков пальцев нигде нет, в перчатках сволочи работают, и словно осенило: А подтирался-то он, чай поди не в перчатках!

Картина смешная, наверно, была: стою в куче дерьма с подтиркой в руке и ору: «Пальцы!». В общем, в жутком восторге пребываю. Потом про меня анекдот сочинили, мол, Скипидарычу сам Бог послал вещдок. Ну а тогда взяли бумажку на экспертизу – и точно, отпечатки пальцев на ней были. Ну а дальше – дело техники. Пальчики эти оказались в картотеке. Объявили розыск, а вскоре и вора, и его подельщика взяли. Гастролеры оказались, едрень фень. А теперь и местные так и норовят свистнуть икону какую да пропить. Дурачье: Пафнутий уже давно все сменил. Но Бог – он особый потерпевший. Метит шельму, ой метит.

– Ну а какое это все отношение к Никодиму имеет? – не понял Деснин.

– Экие вы все нетерпеливые, едрень фень. Вот и менты мне все: короче, короче. Не могу я короче. И присказка эта тоже значение имеет, потому как еще тогда...

– Ты ближе к делу можешь, или нет? – оборвал Скипидарыча Деснин.

– Могу. Сюда я тебя привел, чтобы ты меня совсем за больного не посчитал. Потому что главная улика вот тут, – Скипидарыч постучал себя по голове. – Лет пять назад грохнули у нас здесь неподалеку одного бизнесмена, или бандита – их и не разберешь. А я за грибами ходил – могилку вот и нашел посреди леса. Тут такое началось... Но самое странное, что киллера все же нашли. На следственный эксперимент даже привозили. Запомнил я его тогда. Такой... никакой. Только вот вся харя в веснушках. Я у ментов так и спросил: что ж это за киллер такой, непохож на киллера-то. А они мне: ты чего, это ж Санька Мокрый, у него и кликуха оттого, что он мокрушник-беспредельщик. Деньги для него не главное – сдвиг по фазе, в общем. Мы, говорят, его давно пасем, вот, наконец, прищучили. Обычно такие долго не живут, но этот, видимо, исключение. И чего ты думаешь? Потом так и отпустили, едрень фень. Видать, кто-то что-то... Но не важно. Главное, видел я его на пожаре. Как увидел, так и понял...

– А он знал, что из-за тебя его повязали? – вмешался в повествование Деснин.

– Так я ж свидетелем проходил.

– В таком разе, может, это он не Никодима, а тебя спалить хотел, в отместку.

– Че ж он, дурак?! Мою кладбищенскую сторожку с никодимовой избушкой попутать.

– Но если это заказ, – Деснин еще раз посмотрел на след протектора, – и киллер здесь был... тогда уж совсем...

- Вот и я про то. Черти что твориться. Ладно бы кого – таких людей грохать стали. Видно было, как у Деснина передернуло скулу, но он держал себя в руках.
- А ты кому-нибудь говорил об этом?
- Говорил, ментам тем же. А они мне: пить надо меньше. Эх, никто меня не слушает.
- Ну а деревенские? Если б не ты один, если б все...
- Хм, «все». Всем по большому счету наплевать. Все равно, все всем все равно.
- Это как же? Ведь любили Никодима.

– Хм, любили. Да только в прошлой жизни все это было. Сейчас не до любви. Всем все по фигу. Измельчал народец ныне, другой стал. Гнилой народец, едрень фень! И как это быстро все испортились. Живо наш народ душою выцвел. Скажу я тебе, Коля, Бог умер, но не на Небе, а в сердцах людей. Дьявол, имя которому Капитал, выбил Бога из сердец, из душ людских. Ни мысли, ни идеи, ни черта, едрень фень. Деньги одни – вот мера всех вещей. Какая уж там любовь. Не до жиру, быть бы живу, шкуренку свою бы спасти. А что потом? Хана потом. Чужие люди, чужая страна. А, – махнул Скипидарыч рукой, – идем.

Деснин больше ничего не спрашивал и не уточнял. Наверное, он желал бы и вовсе забыть о том, что рассказал Скипидарыч, но Дыра... Дыра жгла нещадно. И Деснин казался спокойным лишь оттого, что все силы уходили на усмирение этого жара. Скипидарыч чувствовал, что тормозить гостя не стоит, и пока завел разговор о другом, оставив главный козырь на потом.

Глава IX. НОЧНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Возвращались они напрямую, через давно заброшенное поле, которое сплошь поросло молодым сосняком. Под крохотными сосенками повылезали грибы. Скипидарыч периодически наклонялся, чтобы сорвать масленка или опенка, но чаще просто попинывал поганки.

– Вот так вот, – комментировал он свои действия, – раньше собирали здесь урожай ржи или овса, а теперь – грибы. Смех один. А ведь с чего началось. Еще когда разваливался совхоз, поля перестали совсем пахать. Народу объясняли, что земля отдыхает, да и скотине нужно больше места для выпаса. Ну, год, другой – так и запустили вконец все поля. Теперь уж и не поднимешь. Да и зачем: скоро в стране вообще пахать и сеять некому будет, едрень фень. А ведь орали: колхозы долой, фермеры, фермеры! А что фермеры? Мужик работает, с ног валится, здоровье гробит – а прибыли никакой. Нет стимула, нет даже надежды. Руки опускаются – так и запьешь с горя. И запили многие, да так, что на всю деревню осталось, может, полтора десятка дееспособных мужиков-то. Остальные только пить и умеют. Деморализация полная, едрень фень. Даже если и вернулось бы все, как было, никто не станет работать. Забыли, как это делается. Да и совесть последнюю пропили. Недавно умерла у нас старуха, так и гроб-то никто тащить не желал, хоть и рядом совсем кладбище.

Спутники вошли в деревню и двигались по направлению к церкви.

– Ни взаимовыручки, ни товарищества – единоличие сплошное, – продолжал свою речь Скипидарыч. – А все правильно, ведь что такое капитализм? Это и есть индивидуализм, самость, сечешь, Коля? «Все в век наш разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется и что имеет прячет». Каждый за себя. А это и есть проявление дьявола – Христос людей объединяет, а дьявол разъединяет – вот она где, истина-то! Но невозможно счастье в одиночку: стоит выйти на улицу, поглядеть кругом, и оно куда-то улечивается. Как там у классика: «Я взглянул окрест меня, душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Вот!

Скипидарыч так разошелся, что не заметил, как запнулся о пустые водочные бутылки, расставленные возле магазина.

– Вай, вай! – возмутился приемщик стеклотары явно нерусской национальности.

– Чего «вай-вай», нехристь? – огрызнулся Скипидарыч. – Да ты смотри-ка, он же бутылки крестом выставил, внимание привлекает, едрень фень. Да, все мы на таких крестах распяты. А эти не пьют, понаехали. Скоро одни черные и останутся. Потому что в своего Аллаха верят. А мы – сгинем.

Скипидарыч еще раз окинул взглядом внушительных размеров крест из бутылок, вздохнул:

– Да, чего говорить, спилась деревня. Наши мужики дольше всех остальных окрестных держались – Никодим способствовал. Да, умел убедить. Было что-то в нем такое... Словами и не передашь. Особый дар. Да только стар уж он стал. А тут еще приболел, в больницу попал. И зеленый змий, никем не удерживаемый, всех разом-то и пожрал, едрит его налево. Никодим очень переживал, глядя на все это, считал и себя виноватым, что и он допустил такое. Да так все и чах, чах на глазах.

Тем временем спутники подходили к церкви. Деснин с напряжением ждал, когда покажется пепелище. О, как он не хотел бы его видеть вовсе! Вдруг Скипидарыч резко остановился. Деснин чуть не ткнулся ему в спину и совсем уже хотел было разозлиться, но тут заметил, что стоят они у свежей могилы, вырытой метрах в пяти от церковной стены. Земля, еще не успевшая осесть и порастить травой, рыжела суглинком. В изголовье стоял временный деревянный крест, рядом с которым, прикрытая стеклом от керосинки, теплилась лампадка. Стояли молча. У Деснина невыносимо саднило сердце.

– Со всеми общался ласково, к каждому слово особое подобрать мог, никому ни в чем не отказывал, – наконец всхлипнул Скипидарыч. – Своей простотой, смирением и другим пример подавал. Знаешь, бывало, идет по улице, со всеми первый здоровается, и ни на кого у него не было ни зла, ни обиды. С требами посещал больных страждущих, на далекие расстояния ходил пешком и без всякой платы. А какой церковный хор был!

Тут Скипидарыч перестал причитать и заговорил в своей всегдашней манере:

– Правильно говорят: не стоит село без праведника и ради десяти праведников Господь готов терпеть множество грешников, но если праведников не станет – все рухнет, как Содом да Гоморра. Вот и рухнуло... И у кого только рука поднялась, кто вообще смог сделать такое. Явно нелюдь.

В ответ Деснин лишь скрежетнул зубами. Дыра полыхнула. Попадись ему сейчас этот Мокрый на глаза – не раздумывая перегрыз бы ему глотку. Но... Деснин посмотрел на могилу Никодима. Тот учил совсем другому... Как и вчера в глазах от перенапряжения все помутилось. Деснин не помнил, как они подошли к сторожке Скипидарыча. На крыльце их ждала кучка земляники.

– Вот дуреха, а? – махнул рукой Скипидарыч. – Ведь сказали же: себе оставь. Так нет. Вот такую деревню и загубили.

Спутники присели прямо на крыльце. Деснин механически жевал землянику, не чувствуя вкуса, а Скипидарыч продолжал, обращаясь скорее к Бобику, вяло вилявшему хвостом:

– Говорил кто-то, что если деревня умрет, то и Россия вместе с ней. Умирает деревня-то. Город – это ладно, черт с ним. А вот что деревня рухнула – вот это хана... Ты это, Коль, иди, приляг, что ли. А то еще опять удар хватит.

Проснулся Деснин когда уже стемнело. Стояла особая деревенская тишина, которую нарушал лишь мерный звук настенных ходиков. В противоположном углу избы на диване с вылезшими пружинами ворочался Скипидарыч.

– Вот послушал Никодима, принял муку, и во все это время только тем и жил, что знал: есть где-то там, далеко, человек, который... ради которого... м-м-м... Вытерпел все, кончилось все, приезжаю – а тут такое...

– Да понятно все, – донеслось из угла Скипидарыча.

Деснин вздрогнул. Оказывается, он размышлял вслух. А Скипидарыч продолжал:

– Опора, что помогала все это время выжить, пропала – сомнения хлынули. Вера-то вся твоя на одном человеке держалась – вот в чем дело. И вот умер он, причем не просто умер – убили. Стало быть, не прав он был в своей проповеди смирения и всепрощения. Ведь так ты подумал, так?!

– Так. Какой же я дурак, да? – спросил Деснин с замиранием сердца, в надежде, что вот сейчас Скипидарыч прольет целительный бальзам на его истерзанную душу, заговорит так же, как и Никодим, уверит, и все встанет на свои места.

– Нет, не так, – совершенно неожиданно ответил Скипидарыч.

Деснин вовсе растерялся.

– Я же смирился, – уже не веря в эти слова, пробормотал он. – И на душе покойно...

– «Покойно, покойно», – передразнил Скипидарыч. – Покойнику покойно. Весь этот кошмар смиренно может переносить лишь человек бездушный – вот что я тебе скажу, едрень фень. Я и больше скажу: когда кругом царит зло, смирение с этим злом – преступление.

– А Никодим говорил, что во всем промысел Божий, все с попустительства Божьего, ибо придет Сын Человеческий и воздаст каждому по делам его.

– Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? – перебил Деснина Скипидарыч.

– Не томи душу! – взмолился Деснин. – И так хреново, и делать чего не знаю.

– А я знаю. Святые ведь, это не те, кто не грешил, а те, кто совершил много подвигов во имя Бога. И добродетель не в том, чтобы избегать пороков, а чтобы бороться с ними. Смирение, оно ведь только перед Богом, а не перед дьяволом, не перед злом. Напротив – дьяволу непримиримая война. И если весь мир под властью сатаны – борись со всем миром. Знаешь, есть такое учение – экзистенциализм называется. Сам Христос был экзистенциалистом. Так вот, в учении этом сказано, что каждый, кто бы он ни был, хоть доходяга последний, в ответе за все, что происходит в мире.

– И я?

– И ты. Капля камень точит.

– Но что я один могу, если даже Никодим не смог?

– Главное не победа, главное – борьба. Не все, конечно, на борьбу способные, да и не это главное. Жили бы все по-божески и уже само житие было б борьбой. Но невозможно ныне жить по-божески, едрень фень. Да, возлюби врагов своих, но ненавидь врагов Божиих. А все, кто творит зло России – враги Бога.

– Их что, и убить можно?

– Да, – коротко ответил Скипидарыч.

– Но ведь это смертный грех.

– Да, но все ли люди – люди? Вот вопрос.

– Но Никодим...

– Никодима убили. Это ли не свидетельство? «Мир лежит во зле и любовь к миру есть вражда против Бога». Нет, ты подумай: если все должно закончиться Страшным Судом, то вся история человечества – одно сплошное преступление. «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, восскорбел в сердце Своем». Иные вон Бога винят в том зле, что творится кругом, а Он вон и сам страдает. Нет, все это делают сами же люди, отвергнувшие пути Божии и выбравшие путь сатаны. А с ними бороться можно и нужно, потому что зло побеждает, когда бездействует добро. Я не про месть говорю, а про возмездие. Священная месть – жажда справедливости.

– А что потом? Я уже мстил один раз, за что и расплатился, – пытался настоять на своем Деснин.

– Вот-вот – расплатился. Думаешь, Бог заинтересован в том, чтобы Его чады были забытыми, виноватыми и самобичующимися? Или в этом заинтересован кто-то другой?

– Нет, Бог хочет, чтобы чада не делали ничего такого, чтобы самобичеваться и указывает, как этого добиться... Никодим говорил: познай истину, и истина сделает тебя свободным. А высшая свобода – свобода от греха. И вообще, блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

– А разве есть больший грех, чем равнодушие? – тут же уцепился за слово Скипидарыч. – От терпимости до попустительства один шаг. А то ведь эдак смирение страстей, бесстрастие, а от него и до бездушия недалеко, едрень фень. Вот и думай: либо признать мир и стать частью зла, либо бороться с ним, помогая другим не принявшим зла выжить. Ты помнишь в Библии гравюру «Христос, изгоняющий торговцев из храма?» Вот то-то. Он там грозный, с бичом в руке, громящий лотки торгашей. А ты говоришь смирение. Да сам Христос не мирился. «Не мир, но меч принес я вам» – его же слова. К черту все смирение! Не время для него.

– Все, хватит, заткнись! – вскричал Деснин.

Все эти странные речи Скипидарыча, казалось, еще более раздирали Дыру. Тот словно знал это и сознательно уничтожал последние крохи христианского смирения, которое внушил Деснину Никодим. Это становилось невыносимо.

– Все-то ты врешь, – в последний раз попытался защититься Деснин, – ведь этот мир создал Бог и назвал лучшим из миров. Бог не мог сотворить что-то плохое. А у тебя все ад какой-то на земле получается.

– Он сотворил Эдемский сад, и там были все животные и растения, – тут же нашелся Скипидарыч. – А вот сатана, как обезьяна Бога, лишь все скопировал, чтобы создать свой мир. Но подделки оказались хуже оригинала, к тому же они стали смертными. Чтобы отсеять брак пришлось запустить естественный отбор. Сатане для полной картины, вернее пародии, не хватало лишь одного – человека. Но через Еву он и его заполучил, правда в испорченном виде. Вот с тех пор мы и пытаемся избавиться от сатанинского дефекта. А в Библии прямо так и сказано: Миром правит сатана. Значит, чтобы добиться благ сего мира – богатства, власти и славы – нужно подчиниться сатане, то есть, как говориться, продать душу дьяволу. Поэтому Христос и говорил: Не любите мир и то, что в мире. Если кто-нибудь любит мир, то в нем нет любви к Отцу. А ты мне: лучший из миров. Все туфта, фальшивка дьявола. И перед всем этим смирение? Ну уж нет!

Тут Деснин не выдержал, хотел вскочить, повалить Скипидарыча и шмякнуть того посильнее головой об пол за те мучения, что доставлял он своими невыносимыми речами. Однако сдержал порыв, вцепился обеими руками в матрас и пролежал так некоторое время. Затем с раздражением спросил:

– И чего ты ко мне привязался? А! Твою мать!

– Ты человек хороший. Другой убьет и не заметит, и ничего не изменится в его жизни, даже не задумается, что потом будет, ведь небесный рай, рай со Христом, никому не нужен. Все хотят еще здесь урвать, всем золотого тельца подавай, едрень фень. Думают: зачем быть хорошим, когда кругом все так плохо? Когда кругом убийцы, воры, богохульники, мафиози всякие. Нет. Единственный способ выжить в таком мире – стать плохим. Иначе он тебя сожрет. По нынешним временам быть хорошим запахло...

– Опять ты?!

– А что я? Я только болтать и могу, а ты – пассионарий! – тут же ответил Скипидарыч.

– А по морде?

– Да нет, это очень хорошее слово. Это значит, что в тебе куча энергии, жизненной силы. Вопрос куда ты ее отправишь. Понимаешь, и один в поле воин, если Христос с ним. Сказано: «Если Бог за нас, кто против нас?»

С этими словами Скипидарыч демонстративно повернулся к спинке дивана, как бы давая гостю возможность поразмыслить.

Деснин вновь вспомнил все события, произошедшие с ним с момента освобождения. Картина и вправду вырисовывалась почти по Скипидарычу. Не то чтобы ад, но...

«Если даже Никодим не смог пережить все это, повлиять, то может быть Скипидарыч прав, и все эти нормы, о которых говорил Христос, теперь не действуют? – думал Деснин. Скипидарыч представлялся ему какой-то исковерканной копией Никодима. Но несмотря на противоположность их проповедей, где-то в главном они сходились. – Да, Никодим убит, но... Уйти, уехать, к Юльке. И все забыть, на все закрыть глаза. И ведь никто не осудит, никто... Никто, кроме меня самого».

В ту ночь Деснин принял решение.

Часть вторая. МЫТАРСТВА

Глава I. ТРИ ИНСТАНЦИИ

Утром Скипидарыч будил Деснина:

– Давай, давай, вставай, брейся, да перекусить я тебе собрал, а то на автобус не поспеем. Это раньше мимо нас в райцентр по три автобуса ходило, а теперь один, да и то с грехом пополам – то поломается, то вообще где сгинет.

– Да я и пешком дотопаю, – зевнул Деснин.

– Ага, ментовка-то на другом конце города. Это тебе часа три топать, а тут тебя прямиком доставят.

Развалюха, гордо именуемая автобусом, еле тащилась. В салоне воняло бензином и трясло страшно, но это мало беспокоило полусонных пассажиров. Вскоре показался и Печужск. «1569» – было высечено на стеле при въезде в городок. «Старые вымирающие городишки, – думал Деснин, разглядывая из окна грязные, убогие улицы. – Прав Скипидарыч. Все задохнулось в этом новом чертовом молохе капитализма. Бедные обнищали вконец, а те, кто урвал, полезли наверх, бросив на произвол жалкие улицы и полуголодный люд. Еще бы тут не процветать разбоем и смертоубийству. Как можно жить здесь в чистоте и благочестии? Может и впрямь проповедь Христа не для мира сего?» В этот момент ярко-красный «Опель» Пафнутия лихо обогнал автобус. Деснин только и заметил двух разнаряженных баб на заднем сиденье и усмехнулся по этому поводу – ему вдруг представилось, как бы Скипидарыч прокомментировал данный факт: «Попользовался, на сдачу повез – обратно в бордель».

Зная о том, что Скипидарыч любит приврать и приукрасить, Деснин не верил и в половину того, что тот рассказал ему о Пафнутии. Однако он твердо обещал, что «за ради памяти Никодима» съездит в облцентр, любой ценой добьется встречи с архиепископом и передаст тому следующее заявление, подписанное главой администрации района:

«Ваше Высокопреосвященство! Учитывая важную роль церкви в духовном совершенствовании сельчан, обращаюсь к Вам с просьбой рассмотреть вопрос о замене отца Пафнутия. Это связано с тем, что в администрацию обращаются прихожане с жалобами на недостойное поведение отца Пафнутия».

То, что глава администрации так и не отослал заявление, Скипидарыч объяснил очень просто: «Кому охота с блатными связываться? Сначала побоялся. Ну а теперь и сам повязан». «А у тебя оно откуда?» – поинтересовался Деснин. «Так он же при всех на митинге листок скомкал и выбросил. А я подобрал, – невозмутимо ответил Скипидарыч. И уверил. – С этим заявлением скорее допустят. Официальное все-таки».

Но пока предстояло разобраться с ментовкой. Это уже была идея самого Деснина. К походу в милицию насчет предполагаемого убийства Никодима Скипидарыч отнесся довольно скептически: «Отстал ты от жизни, Коля, менты теперь совсем не те. Но зайди, зайди – сам убедишься».

Автобус остановился прямо у серого обшарпанного здания. Это и было РОВД. При входе в ментовку в нос ударил резкий запах мочи. «Менты вонючие», – почему-то пришло в голову. И тут же пропало всякое доверие к этим самым «внутренним органам», которые даже унитаз починить не могут, не то что там заказ раскрыть.

Деснин уже хотел плюнуть на свою глупую затею и выйти на свежий воздух, но все же передумал. Не зря же ехал сюда. Может хоть что-то да прояснится. В глубине души он искреннее желал, чтобы предположение Скипидарыча насчет убийства Никодима было лишь плодом буйной фантазии.

В дежурке Деснин поинтересовался, где можно найти, как он выразился, «главного следака». Дежурный недовольно покосился на бритую голову посетителя, но все же ответил, что следственный отдел находится на третьем этаже.

На третьем этаже воняло меньше. Деснин постучал в первый попавшийся кабинет. Ответа не последовало. Он толкнул дверь – она была заперта. Тогда Деснин огляделся. Следственный отдел представлял собой огромный темный коридор. Возле одной из дверей стояли трое цыган и довольно громко обсуждали между собой, что говорить на допросе. Следак временами, словно кукушка из часов, высовывался из кабинета и спрашивал: «Ну че? Все придумали? Давайте живей. Обо всем же договорились».

«К этому, что ли, сунуться», – подумал Деснин и пристроился в ожидании около кабинета.

Спустя какое-то время в коридор блатной походочкой ввалился коренастый, небольшого роста человек в клетчатом пиджаке, белых брюках и сияющих полуботинках. Он небрежно пнул первую же попавшуюся дверь. Не входя во внутрь, облокотился о косяк и довольно громко, прямо скажем на весь коридор, спросил:

– Э, где следак? Ну тот, что по моему делу. Чего? А, в тридцать восьмом, лады.

Он подошел к указанному кабинету и также толкнул дверь ногой.

– Ну чего, где он? Чай пьет? Я чего, в натуре, ждать его буду? А, ну раз так – тады лады, – и он окинул взглядом коридор, ища место, где бы присесть. Взгляд его упал на Деснина.

– А ты чего вылупился? – начал было он, но вдруг осекся. – Оба на, Колян, ты что ль?

– Да вроде я, – отозвался Деснин, силясь вспомнить, кто же этот субъект.

– Ну ты че, в натуре, не признал что ли? Пересекались пару раз, когда на Аббата пахали. Прикрыл ты тогда меня разок, а я тебе этого не забыл. Мир тесен, а шарик круглый, ха! И чего ты от Аббата ушел? Он сейчас, слышал, крупный шишкарь – хапнул при приватизации. Правда, планка у него, говорят, совсем съехала, ну да черт с ним – ты как здесь?

– По делу, – коротко ответил Деснин.

– По своему али по чужому?

– Да по своему-то – вот вышел недавно.

– Да ну, то-то я тебя давно не наблюдал. Как же тебя сесть-то угораздило? Аббат же отмазать мог.

– Мог, но то долгая история, – нехотя отвечал Деснин.

– Слушай, че-то ты мне не нравишься. Стоишь здесь как мальчик, правильный какой-то, в натуре... Опа-а, вот и он, следак. Пять сек, Колян, щас я им свой автограф подарю и...

С этими словами Вован скрылся в кабинете. Деснин с изумлением смотрел на закрытую дверь и не знал даже, что и подумать. Не прошло и минуты, как Вован вновь появился на пороге.

– Слушай, – обратился к нему Деснин, – я чего-то не врубаюсь – ты здесь кто?

– Ха! – усмехнулся Вован, – я здесь, – он замялся. Видно было, что он хотел что-то соврать, но потом передумал. – Я здесь просто отмечаюсь. Ну прописка у меня тут, сечешь?

– Не понял. А вот это вот все – двери пинаешь...

– А-а, ха! Черт, я ж и забыл, что ты только откинулся. Нет, вот что значит человека из жизни выдрать. Пока ты там, на киче парился, здесь все переменялось. Сечешь? Менты теперь не при делах. Так только, шестерят иногда, когда попросишь. Короче, Колян, не грузись, расслабься. Чувствуй себя как на зоне. Вся эта страна – одна большая кича. Это я тебе по собственному примеру говорю. Я тоже, как откинулся, думал: то, се. А потом пригляделся и просек: вот вышел я с зоны – а вроде как и не выходил. Те же понятки, базар, рожи. Убийцы, воры, мошенники кругом. Все то же. Одеты только по цивильному. Так что никакой акклиматизации не надо, ты не бойсь – сразу во все въедешь.

– Да в том и дело, что я никак врубиться не могу. Меня всего семь лет не было и вдруг все так переменялось.

– Семь лет, семь лет – а страны уже нет. Тю-тю... Ладно, хватит об этом. Вот погуляешь – своими глазами все увидишь. Я вот тоже не просеку – ты здесь зачем?

– Да я ж говорю: следака ищу. Дело у меня.

– А, да. Ну так же ты в коридоре торчишь? Раз к следаку надо – идем. Мой друган школьный. Я ж отсюда родом-то.

Вован развернулся на месте и снова пнул дверь:

– Давай, заходи. Че ты жмешься – все свои. Вот, знакомься – Мишан.

– Я тебе не Мишан, – попытался огрызнуться следователь – худощавый парень в вытянутом свитере.

– Да, ладно, че ты, Мишан, в натуре. Мы к тебе по делу пришли. Давай, Колян, выкладывай, что там у тебя.

– Пожар тут у вас был не так давно, – неуверенно начал Деснин, присаживаясь на раздолбанный стул, – в Васильково. Сгорел настоятель местного храма отец Никодим. Есть подозрения, что сгорел не случайно.

Следователь явно не понимал в чем дело.

– Я имею в виду... Убили его. На заказ.

– У-у, – протянул следователь, – началось. Знал я Никодима, да его все тут знали. Стар он был, из печки заронил – вот и сгорел. А ты тут – заказное убийство. Да кому он нужен был, ты чего, кому мешать мог? Бред какой-то.

– Бред не бред, – со злобой в голосе проговорил Деснин, – А к сведению прошу принять. Во время пожара видели там какого-то Мокрого, а он, говорят, киллер.

– Что?! Да какие киллеры? У нас киллеров не водится. Они, вон, все в столицах обитают. А там, уж извини, не моя территория.

– Ну ты бы хоть чего записал, – вмешался в разговор Вован. – А то чего так порожняка гонять.

– Да пожалуйста. Вот бумага, вот ручка. Пусть пишет заявление. Рассмотрим в порядке очереди.

Следователь потянулся за журналом. На столе их было два. На одном значилось: «Журнал учета дел, разрешенных расследованием» – он был совсем тонюсенький, фактически одни только корки. Другой был гораздо массивнее. На нем значилось: «Журнал учета дел, принятых к расследованию». Его-то и пытался оторвать от стола одной рукой следователь, но журнал был настолько тяжел, что тому пришлось протянуть за ним и вторую руку. Наконец следователь положил перед собой этот талмуд и стал листать, ища свободную страницу.

– Постой-ка, – вдруг остановился он, – так было уже заявление по поводу Никодима-то. Так, а кто же подавал... А, ясно. Это ж Скипидарыч – дьячок при той церкви. Ну, понятно теперь, откуда весь этот бред с заказным убийством. Ты этого Скипидарыча, часом, не видел?

Деснин кивнул.

– Псих он, этот Скипидарыч. Неужто не видно. Он тебе, чай поди, еще такого нанес... Слышал я его лекции по молодости еще, когда его по пьяни забирали. Но тогда он еще хоть что-то разумное говорил, а теперь совсем спился – бред один несет. «Капитал – это желтый дьявол» и тому подобное. Слушай его больше – тоже крыша съедет. Короче все, – следователь захлопнул журнал, – дело закрыто. Был Никодим, и нет Никодима.

Деснин зло сверкнул глазами:

– Да он же, может... Он главное, что было во всем вашем гребаном районе.

– А ты мне тут желваками-то не шевели... Может и главное. Да только ты пойдешь прокурору это расскажи. Послушает он тебя, ага. Да у нас заммэра полгода назад грохнули – и ничего, тишина. А ты тут со своим попом лезешь.

– А как же улики? – не унимался Деснин.
– Это протекторы с зажигалкой, что ли? Вот когда твой Скипидарыч труп в лесу откопал – это улика, а то – ерунда... Хотя постой. А сам-то ты где был, когда пожар случился?
– Ты его не припахивай – он срок мотал, не видно что ли? – снова вмешался Вован.
– Ну тогда вообще никаких зацепок.
– А как же Мокрый? Его же Скипидарыч не выдумал. Он же проходил по делу с лесной могилой, а Скипидарыч свидетелем был.
– Вообще-то да, – следователь с неохотой открыл журнал и снова принялся листать. – А, вот. Проверяли мы эту версию, запрос давали. Вот как раз ответ пришел. Хм... Нет этого Мокрого. Такие долго не живут. Убит еще два года назад. На, читай, – протянул он бумагу Деснину.

Действительно, из ответа на запрос в УВД следовало, что Чижов Александр Сергеевич по кличке «Мокрый» погиб в перестрелке с милицией.

– Но ведь Скипидарыч его видел на пожаре, – уже совсем неуверенно произнес Деснин.
– Пить надо меньше этому Скипидарычу. Ему вон уж и сатанисты мерещатся...
– Сатанисты? – переспросил Деснин. Скипидарыч и вправду раз обмолвился о странно-стях, происходящих на кладбище.
– Ну вот он тут понаписал, что завелись в Васильково этом сатанисты, все возле церкви крутятся. Может, как-то и связано...

– То есть, ты хочешь сказать, что этого попа сам черт побрал, – усмехнулся Вован.
– Я хочу сказать, что бред все это. И вообще разговор закрыт. У меня работы по горло.
– Знаем мы твою работу. Ладно, Колян, канаем отседа.
– Эй, ты, как там тебя? – окликнул Деснина следователь, когда он выходил из кабинета. – Ты бы в епархию съездил – может, там чего знают. У них ведь теперь везде свои глаза и уши есть.

– Вот так вот наши менты и работают, – кивнул на дверь кабинета Вован, когда они с Десниным вышли в коридор. – Но ты тоже даешь. Какой поп? Слушай, Колян, да брось ты все это, а? Я-то думал, у тебя там чего серьезное стряслось, вот ты сдуру в ментовку и поперся. А ты, оказывается, из-за этого Никодима. Я ж его тоже помню, хороший поп был, да. Ну сгорел старик, какая к черту мокруха? Прально Мишан базарит – бред какой-то.

– Бред, бред, заладили все. А может и не бред?
– Тьфу ты! Ну и упертый же ты, а? Ладно, Шерлок Холмс хренов, пробью я эту тему через своих. Так оно быстрее будет. А то ведь у них, у ментов, знаешь как? Объясняю популярно. Дело валяется у следака два месяца. Если за это время сам Бог на блюдечке не преподнесет все улики и прочее, то дело отправляется в архив и считается всяком. А всяк – это все, кранты. Больше они к нему никогда не возвращаются... Во, во! Вишь, попер, – Вован указывал на человека в конце коридора. Тот вытаскивал из кабинета довольно объемистый бумажный мешок. – Знаешь, чего в мешке? Угадай с трех раз. Прально – всяки и есть. У них квартал заканчивается – вот и прут все в архив. Понял? Ладно, пиши телефон: 925—46—90. Брякнешь через денек – чем смогу помогу.

– Мокрый мертв... Сатанисты, – уже на выходе продолжал думать о своем Деснин. – Слышь, Вован, кто это вообще?

– А, так, как это... секта. Их до черта, этих самых сект, в последнее время развелось всяких разных. Стригут с лохов бабки, а потом кидают или чего похуже: могут и сечь, и отравить. Короче, тот же лохотрон, только с привлечением всяких там богов.

– А сатанисты?
– А, ну эти вроде как сатане поклоняются.
– Как же так?

– Да как, как – просто. У нас теперь все можно. Делай все, что хочешь, и ничего тебе за это не будет. Демократия называется. А по-нашему – беспредел. Вот хочешь бабу по телефону – в миг, хочешь наркоты – пожалуйста. Главное, чтоб бабло было. Деньги – это наше все. А может мальчика? Хотя, зачем телефон. Шлюх мы можем и прямо здесь, в мусарне подобрать каких хочешь. Даже дешевле выйдет. Они же все на игле сидят, а наркота в мусарне самая дешевая. Ну че, давай – оттянемся, а? После кичи, чай, оторваться охота? Забудь ты о своем попе.

– Да не могу я забыть. Слышь, ты это, денег не подкинешь? Я отдам, как со всем разберусь.

– Да брось ты все это, не грузись. Оно тебе надо?

– Надо.

– И что у тебя за интерес? – ворчал Вован, отсчитывая несколько стодолларовых купюр. – Вот ответишь зачем – бери без возврата.

– Он для меня много значил... Я покался.

– Чего?! Можть ты и сел через него?

– Ну и сел.

– Вот оно что... Да, круто тебя Никодим развел.

– Да не развел, пробило меня просто.

– Хм, конкретно, видать, пробило. Раньше я б тебя за такое уважал, а теперь... Ты хоть прикид смени, а то ходишь как лох.

– Сменю. А про сатанистов ты больше ничего не знаешь?

– А, про этих. Да был я тут как-то в одном ихнем клубе – забрел по пьяни. Короче, садо-мазо там одни какие-то собираются. Рога на себя нацепят да хлещут друг друга плетками, а потом трахаются всем скопом – вот и весь сатанизм. Если тебя это прикалывает – я как раз в Москву намылился. Погнали со мной – могу сводить.

– Да нет уж, спасибо. А в Москву я если что попозже. Мне тут еще по одному делу надо. В Епархию. Как раз и про Никодима спрошу.

– А, в епархию, к этому, что ли, к Пантелеймону? Ну тогда следи за очком. Ха!.. Да, напомни ему – за доски он мне бабки должен, а то чего-то мудрит он там. А, щас все мудрят. Ты усеки, теперь один закон: делай бабки и ничего не бери в голову – будешь в шоколаде. А париться начнешь, на всякую ерунду внимание обращать – так лучше сразу удавиться. Ну давай, держи краба.

Глава II. ТРИ ИНСТАНЦИИ (продолжение)

Епархия находилась в стенах ...ского мужского монастыря. До недавних пор вокруг стен этого самого монастыря раскидывали свои палатки предприимчивые коробейники – пройти было негде. Тут и иконы, и картины с золотыми луковками куполов, даже антиквариат – все чего угодно душе паломника и туриста. Однако церковные власти решили прибрать всю эту торговлю к рукам. Хоть и записано в уставе церкви, что коммерция – дело богопротивное, но стояли теперь за прилавками сами монахи. Как кто-то верно заметил, Христос изгнал торгующих из храма. Те поумнели и облачились в ризы.

Когда Деснин вошел в ворота, он был поражен великолепием архитектурного ансамбля. Все пять куполов внушительного размера церкви сверкали золотом. Рядом вонзался в небо позолоченный шпиль высокой колокольни. Резные ставни на окнах, ярко красная черепица на крыше, стены, буквально сверкавшие белизной – все было очень красиво и пышно. Сама атмосфера располагала к торжественности.

Двухэтажный монастырский корпус также выглядел безукоризненно. Туда-то и направился Деснин.

Найти приемную архиепископа не составило большого труда. Вот только самого архиепископа, как сказали Деснину, придется подождать – у того была важная встреча: только что приехал отец Григорий, который считался правой рукой архиерея.

Келья архиепископа, перед дверью в которую стоял в ожидании Деснин, представляла собой внушительных размеров комнату, разделенную перегородкой. В одной из частей помещался оформленный по всем современным стандартам кабинет: кожаные кресла, компьютер на столе, прочая оргтехника, кондиционер, телевизор. В другой части комнаты располагалась опочивальня.

Архиепископ был погружен в сугубо земные заботы. Он с недовольным выражением лица занимался просмотром бумаг, только что привезенных отцом Григорием.

Перед ним, вытянувшись по струнке, стоял тот самый отец Григорий, своим ровным пробором, делившим волосы на две равные части, стриженной бородой, но в особенности цепким, сметливым взглядом маленьких юрких глаз походивший более на дореволюционного приказчика, нежели на инока.

– Это что?! – сунул архиепископ с негодованием под нос Григорию одно из прошений.

– Это? Э-э, – замялся Григорий, – уважаемый человек был, авторитет. Умер мученической смертью. Коллеги его просят захоронить на монастырском кладбище.

– Может его еще к лику святых причислить?!

– Ну уж это слишком, хотя... если заплатят...

– Во! – поднес архиепископ кулак к лицу Григория. – Хватит с меня скандалов. И так вон Гермоген двух геев обвенчал – столько шуму подняли, еле уладил.

– Но, Владыко, это же реальные деньги. Вот, кстати, с вашего благословения просят освятить мясокомбинат.

– Свои мясокомбинаты пора иметь. Вон у соседей и заводы по производству минеральной воды, и хлебные лавки, даже свой автосервис есть.

– Так уж сколько твержу: с Аббатом надо плотнее работать.

– Я же просил не упоминать при мне этого имени! Слишком много он себе позволяет. Думает, что все кругом прибрал.

Архиепископ перечитал еще несколько бумаг и, отложив их в сторону, вздохнул:

– Эх, хорошо нашим в Москве. Там вообще деньги делают на табаке да на алмазах. А у нас все мелочь какая-то. Ладно хоть налоги не дерут.

– Ну вообще-то грех жаловаться. Дела идут, – тут же нашелся Григорий. – Вот оклады начали делать, скоро образа писать начнем.

– Никто и не жалуется. Церковь – единственный бизнес, который в плохие времена переживает пик конъюнктуры. Наш человек сказал, хотя я бы его за это... Так, а это что?! Это вот что?! – махал архиепископ перед носом Григория какой-то ведомостью. – Открыть торговлю вином – это была твоя идея. «Церковь давно используют как товарный знак все, кому не лень, в то время как всю прибыль должны получать мы» – кто твердил мне это каждый день? Слушай тебя больше... Ты хоть знаешь, во сколько нам обошлось ввести запрет на использование церковной символики на алкогольной продукции? А сколько сил лично мне стоило уломать Старика разрешить торговлю вином при храмах? Но что-то ощутимой прибыли я не вижу. Почему? Мы ведь и от налогов освобождены, и не проверяет нас никто.

– Видите ли, Владыко, во всем виноват, так сказать, человеческий фактор, – оправдывался отец Григорий. – Настоятели нескольких храмов напрочь отказались устраивать у себя под боком винные лавочки, мол, богопротивное это дело. И мы никак не можем их заставить – это их полное право.

– Их право, их право, – ворчал архиепископ. – А по какому такому праву подобные настоятели отказывают уважаемым и состоятельным людям в освящении вновь открытых заведений?! Они ж так лишают дохода всю епархию.

– Да, но в основном все эти заведения весьма сомнительного характера, – вновь перечил отец Григорий.

– Раз их открытие происходит легально, значит, в этом нет ничего богопротивного. Ох уж эта мне щепетильность рядовых попов! Что они о себе возомнили?!

– Я думаю, не стоит особо беспокоиться. Таковых не столь много и становится все меньше и меньше. Лешка Савельев, ваш протеже, кстати, отказался от прихода, пошел в отшельники. А Васька-то, из Вознесенской церкви, тот и вовсе повесился. Грех-то какой...

– Ох уж это мне Васька, – морщился архиепископ. – Нечего было доносы клепать: содомский грех, содомский грех! Сам алкаш был, держали только за ради Христа.

– Однако ж прихожане его любили, да Никодим...

– Ладно, хватит об этом! – грозно произнес архиепископ, откладывая бумаги в сторону. – А вот Никодима жалко, – на лице архиепископа изобразилось нечто вроде сострадания. – Последний из могикан был. И надо же – смерть какая.

– Да, но как честил-то он вас бывало...

– Цыц! Ему можно было. Почти святой...

– Кстати, и мученическую смерть принял...

– Ты к чему клонишь?

– Нам нужны святые. Хотя бы и местного значения для, так сказать...

– Знаю, знаю, – перебил Григория архиепископ, – А что, это мысль. Надо будет хлопотать в комиссии по канонизации. Новомученик и исповедник Никодим – звучит.

– Звучит, – согласился Григорий. – Хороший святой – мертвый святой.

– Ну, ну! – гикнул архиепископ на Григория. – Не кощунствуй!

– А я уж было принял к сведению насчет Никодимова новомученичества.

– Что?

– Так... ничего, – замялся Григорий, – теперь уж неважно.

– Кстати, насчет кощунства. Что там за бред несут по телевизору? Иконы, дескать, в храмах плачут. Признавайся – твоих рук дело?

– Что вы, Владыко, – встрепенулся Григорий.

– Знаю, знаю. Выслужиться решил. Сейчас опять запоешь мне свою вечную песню: это рекламная кампания для привлечения средств.

– И укрепления веры, – добавил Григорий.

– Во, во – укрепления веры. Ты хоть узнал, прежде чем мироточение устраивать, от чего иконы плачут? Хоть бы почитал историю-то. Плачут иконы от богопротивных дел, да еще во времена Апокалипсиса. Думать надо. Хоть бы у меня спросил.

– Но Владыко...

– Часом, не испортил иконы, надеюсь? – продолжал допрос архиепископ, не обращая внимания на реплику Григория.

– Но Владыко, это не я! Сами они плачут.

– Ты за кого меня держишь? Так я и поверю, что какая-то доска вдруг начнет мироточить ни с того ни с сего.

– Но ведь плачут, – только и мог ответить Григорий.

– Ладно, разберемся. А народу надо объяснить, что, мол, плачут от радости, оттого, что храмы восстанавливаются и по всей земле вера утверждается. Понял? Чтобы сегодня же я это по телевизору услышал.

– Будет сделано, – уверил Григорий.

– Ух, холопья! Что бы вы без меня делали? Ладно. Что там у нас еще на сегодня?

Еще много вопросов обсуждал архиепископ. О том, как идет торговля церковной литературой, атрибутикой, аудио- и видеокассетами, свечами, таинствами – венчанием, крещением, отпеванием, освящением квартир, офисов, машин; не забыл он и молитвы во здравие и за упокой, фото- и видеосъемку в храмах.

Тем временем Деснин ждал. От нечего делать он трепал заявление на имя архиепископа в руках, поворачивал его так и сяк, снова перечитывал.

«Маловато, – в конце концов, решил Деснин, – надо бы порассказать архиепископу, что там этот Пафнутий вытворяет».

А порассказать было чего. Так, томясь в ожидании, Деснин припомнил почти весь разговор с Скипидарычем.

– Еще когда он меня не разжаловал, ходил я с этим Пафнутием на отпевание. Смотрю: а он деньги берет у покойника с гроба, а там много понакидали. Пробубнил: «Богу – Богово» – и раз себе под рясю. Я вот ему и высказал потом все что думаю. А он мне: покайся, богохульник, а то в рай не попадешь. Ха! А я ему: а чего мне твой рай? Не надо мне рая! Я уже настолько привык к этому аду, что мне в раю неуютно будет. Да и потом, перед кем каяться-то? Перед ним, что ли? Тьфу! Уголовная харя, едрень фень. Рясю напялил и думает – святой теперь. Ручки ему все целуйте.

– Постой, Скипидарыч, – недоумевал Деснин, – Какой уголовник, ты чего?

– Известно какой. Я тут про него разузнал, да он и сам не особо скрывает. Он бывший зэк – восемь лет из своих тридцати за решеткой. Сидел не знаю за что, может и не за что, да покаялся к тому же. Но неправильно, видать, как-то покаялся. И вот этому урлу доверили пасти души прихожан, едрень фень! Люди идут крестить детей, венчаться, отпевать, в грехах каяться. Неплохое начало, да?

– Нет, Скипидарыч, базаришь. Не может быть такого.

– Может, Коля, может. Теперь еще не такое на свете творится. Ты просто от жизни отстал. Хотя я и сам понять не могу, как такого могли поставить священником. Должно быть, действовал наш архиепископ по принципу: «На тебе, Боже, что негоже». В армию, когда берут, и то вон как проверяют, а тут, видать, всех без разбора гребут.

– Так вы бы пожаловались, что ли. Может архиепископ и не знает.

– Как же, пожалуешься тут. Нам здесь жить, а у него – «крыша».

– Чего-чего? У попа – «крыша»?

– Представь себе. Они, урки эти, и церкви к рукам прибрать решили. Говорят, многие были поначалу ошеломлены божественной карьерой «братана». А после рассудили: если уж в наше время уголовники берут власть во всех структурах, то почему церковь исключение?

Видать и Бог без «крыши» никуда, едрень фень. Вот так местные «братки» стали прикрывать святого отца, обламывая тех, кто шел против него.

– Не пойму я – какой смысл? Зачем он им?

– Ну во-первых – свой. Во-вторых, доход имеется – церковь древняя, да и от Москвы не так далеко. Здесь и паломники, и туристы – все деньги оставляют. Потом обряды всякие – все хотят, чтоб не в новострое каком, а в настоящей церкви. Вот и едут специально. Потом, народ нынче шибко грешен, а молебны всякие денег стоят. У нас вон в церкви преysкрант даже висит. Помимо крещения, венчания и прочего, есть там такой пунктик: «Молебен за удачную сделку» и цена рядом, приличная причем. Да, а освящение знаешь сколько стоит? Вроде как нельзя освящать кабаки, винные лавки, казино да бордели всякие, но за дополнительную плату – пожалуйста. И, знаешь, преysкрант этот все расширяется и расширяется. Фантазия у Пафнутия большая – вот он и выдумывает все новые «услуги», едрень фень. Жаден он до денег, ой как. Да и братва свое требует. Я тут, шутки ради, подписал в преysкранте этом «Вход в рай.....1000\$». Думал, зачеркнет – оставил. Видать надеется, что кто-то заплатит. Да, еще – иконы в церкви, вот те крест – не те. Подменил их Пафнутий под видом реставрации. А настоящие иконы – ушли. Сам знаешь почему они теперь. В общем, стригут бабки как могут. Раньше только свечки да просфоры продавали, а теперь и вином торгуют, скоро до наркотиков дойдут. Да много чего еще – вот и посчитай, какой навар с церкви. Приличный получается. Но это все еще цветочки. Слухи ходят, что в церкви у них, ну у братвы, нонче цельный склад всяких запрещенных вещей. А что, я верю – очень удобно. Как говорится – Бог не выдаст, свинья не съест. Недаром Пафнутий у меня ключ отобрал. Так что иметь «свою» церковь для братвы очень даже выгодно.

– А вы что терпите?

– Да вот не утерпел один – написал куда следует. Ответа и по сей день нет. Ну а Федьку-то Фролова, кто заявление писал, так измордовали – родная мать не узнала. Это уже братва подсуетилась.

– А что же сам архиепископ?

– Вот на него вся надежда, да только бояться все после того случая. А куда податься? Других церквей рядом нет. И так вон некоторых баптисты заманили. Да ладно баптисты – есть еще и похуже. Фимка, вон, Дворкин, говорят, в сатанистах ходит. У нас сейчас свобода вероисповедания – в кого хочешь, в того и верь. Хочешь в Бога, а хочешь – и в дьявола, едрень фень. А я всегда говорил, что свобода совести ведет к свободе от совести; свобода слова – к свободе от слова; свобода выбора – к свободе от выбора, ну и так далее. Так вот, знаешь, странные вещи творятся. То могилу надрытую найдут, то в церкви посреди ночи огонь вспыхнет. Эх, при Никодиме-то весь приход был путным, а сейчас... Каков поп – таков приход, одно слово. А знаешь, что еще четыре века назад Василий Блаженный предсказывал? «И вновь воздвигнут храмы, но народ не будет ходить в них, ибо попы будут служить не Богу, но злату». Не врал.

Дверь в приемную скрипнула. На пороге стоял молоденький, безусый еще монашек.

– Вы к архиепископу? – робко спросил он Деснина.

– Да, – ответил тот, – а что?

– Вам велено передать, что вас сегодня уже не примут.

– Это как это? – возмутился Деснин. – Я тут уже битый час торчу, у меня заявление от официального лица...

– Так было велено передать, – робко пролепетал монашек.

– Н-да, дела. А ты сам случаем не к архиепископу?

– Да, – пролепетал монашек и густо покраснел.

– И он тебя примет?

– Да, – вздохнул монашек и опустил глаза.

– Слушай, браток, выручай, а? Давай махнемся прикидом – ты мне свою рясу, а я тебе мои штаны. Буквально на пять сек. Очень мне к нему надо. Я потом все улажу, ты не бойсь.

Лицо монашка засветилось улыбкой. Он бухнулся пред Десниным на колени и, стараясь поймать и поцеловать его руки, залепетал следующую чушь:

– Спасибо тебе, брат мой! Господь услышал мои молитвы и послал тебя. Я бы просто умер, если бы это произошло! И вот мне ниспослано избавление. Спасибо тебе!

– Да за что ж спасибо-то? – бормотал Деснин, изумленный этой сценой, стараясь вырвать свои руки из рук монашка.

– Спасибо тебе, Господи! – все так же иступленно твердил монашек, не желая вставать с колен.

– Так, все, хватит! – Деснин повысил голос. – Давай переодеваться, если согласен.

Монашек быстро скинул рясу и остался лишь в одних кальсонах.

– Нет, – решил Деснин, – штаны я тебе, пожалуй, не отдам. И так постоишь. Вот здесь, за шкафом. Я мигом.

С этими словами Деснин натянул на бритую голову скуфью и принялся напяливать рясу. Та была узка и еле налезла.

– Ну ладно, – сказал Деснин, шевеля плечами, – потянет.

Тем временем в келье архиепископа разговор подходил к концу.

– Отец Василий опять жалуется, что отец Александр повадился на его территорию.

– Ну это ты сам реши, – оборвал Григория архиепископ. – Что еще?

– Ну и последнее, – Григорий сделал многозначительную мину и лукаво проговорил, – За дверью аудиенции с вами дожидается один монашек. Должно быть, тот самый.

Недовольство пропало с лица архиепископа. В глазах заблестел огонек.

– Ну, каков он?

– Смазливый, – со знанием дела произнес Григорий.

– Ну что же он там бедный мается? Давай его сюда. А сам – вон.

– Еще один вопрос. Только один: наши друзья просят разрешение на видеосъемку в монастыре. За антураж обещают...

– Что?! Опять с бабами? На один скандал уж нарвались...

– Никаких баб, никаких детей. Чисто мужской чин, причем все свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.